

АНДРЕ МОРУА

Семейный круг

PREMIUM

Азбука Premium

Андре Моруа
Семейный круг

«Азбука-Аттикус»

1932

УДК 821.133.1
ББК 84(4Фра)-44

Моруа А.

Семейный круг / А. Моруа — «Азбука-Аттикус»,
1932 — (Азбука Premium)

ISBN 978-5-389-20436-2

Андре Моруа, классик французской литературы XX века, автор знаменитых романизированных биографий Дюма, Бальзака, Виктора Гюго и др., считается подлинным мастером психологической прозы. Его книга «Семейный круг» – о тех незримых механизмах, что управляют поведением человека. Родителей не выбирают, и первые представления о семейной жизни дети усваивают под крышей родного дома. Героиня романа Моруа Дениза в детстве была глубоко потрясена супружеской неверностью своей матери. Она решает ни в чем не уподобляться матери, она бунтует, перекраивает себя, но через годы ее собственный благополучный, но, увы, несчастливый брак вновь воскрешает прежние проблемы, заключая ее в прежний семейный круг.

УДК 821.133.1
ББК 84(4Фра)-44

ISBN 978-5-389-20436-2

© Моруа А., 1932
© Азбука-Аттикус, 1932

Содержание

Часть первая	6
I	6
II	8
III	10
IV	12
V	14
VI	16
VII	19
VIII	22
IX	24
X	27
XI	29
XII	32
XIII	34
XIV	38
XV	41
XVI	44
Конец ознакомительного фрагмента.	45

Андре Моруа

Семейный круг

Посвящается Симоне

...ибо Я Господь, Бог твой, Бог ревнитель, наказывающий детей за вину отцов до третьего и четвертого рода...

Исх. 20: 5

André Maurois

LE CERCLE DE FAMILLE

Copyright © Editions Grasset & Fasquelle, 1932

© Е. А. Гунст (наследник), перевод, 2021

© Издание на русском языке. ООО «Издательская Группа „Азбука-Аттикус“», 2021

Издательство АЗБУКА®

Часть первая

I

Воспоминания детства, в отличие от воспоминаний зрелых лет, не разграничены рамками времени. Это разрозненные образы, словно островки в море забвения, и персонаж, изображающий в них нас самих, столь отличен от того, чем мы стали, что многое в этих воспоминаниях кажется нам совершенно чуждым нашей жизни. Но некоторые из них оставили в нашей памяти такой неизгладимый след, что по неиссякающей силе их воздействия мы убеждаемся в их былой достоверности. Подобно тому, как, изучая историю какой-нибудь страны, мы уже не можем сами чувствовать тот гнет, который некогда терпело крестьянство со стороны Церкви и знати, однако ясно представляем его себе, наблюдая в деревнях все еще не изжитую, хотя теперь уже необъяснимую вражду, – так, замечая среди нынешних своих чувств непонятное отвращение к чему-нибудь и чуждые нам склонности, мы узнаем в них затихающие волны смятения, потрясшего лет тридцать тому назад биологические клетки, потомками которых мы являемся.

Самым ранним воспоминанием Денизы Эрпен было воспоминание о дне, проведенном на берегу моря. Несколько лет подряд госпожа Эрпен снимала виллу на нормандском побережье, в Безевале¹. «Я делаю это главным образом для детей», – говорила она. Дача называлась «Вилла колибри». Двадцать лет спустя Дениза все еще ясно видела крышу с деревянной резьбой по краю, в узор которой чередуются сердца и завитки, видела коричневые деревянные столбы между кирпичными стенами, частью прямые, частью наклонные, веранду с разноцветными стеклами, садовую калитку, которая, открываясь, приводит в движение колокольчик, и на окнах – широкие металлические ящики с увядающей геранью, издающие запах земли и прелых листьев.

Дениза в красной фуфайке стоит, опершись на лопатку, возле канавки, которую она вырыла вокруг крепости из песка. Она смотрит на море. По зеленой воде, приобретающей ближе к берегу песочно-желтый оттенок, проносятся большие черные тени, сморщенные порывами ветра. Теперь час отлива. Перед крепостью расстилается пространство, покрытое мелкой галькой и битыми ракушками, которые впиваются в босые ноги. А дальше начинаются гладкие плотные дюны, и среди них изящно змеятся блестящие ручейки. На дне этих ручейков песок лежит тугими волнообразными складками. Денизе хочется ощутить под ногами их упругое сопротивление; она бросила лопатку и бежит к лужам. Кто-то окликнул ее: «Дениза!» Она останавливается и медленно идет назад.

Няня Карингтон была не в духе. До того как согласиться – бог весть почему – на предложение Эрпен, которые были всего-навсего мелкими провинциальными буржуа и даже не имели автомобиля, она воспитывала детей графа де Тианжа, владевшего замком, и детей Вейсбергер, которые четыре месяца в году проводили в Биаррице. Няня Карингтон была дочерью торговца из Фолькстона, и заветной мечтой ее было годам к пятидесяти вернуться в Англию и открыть там семейный пансион. А во Франции она желала иметь дело лишь с богатыми и знатными семьями.

В Безевале, еще довольно пустынном в 1900 году, она не встретила других англичанок. Ей поневоле приходилось проводить время среди кормилиц, и ответственность за это унижение

¹ Безеваль (или Ульгат) – курорт на берегу Ла-Манша. (Здесь и далее примеч. перев.)

она возлагала на весь свет. Детскую она считала слишком тесной. Имелась всего лишь одна ванная. Дениза становилась совсем невыносимой и не давала своих игрушек Лолотте и Бебе.

– You are a very naughty little girl... I'll tell your Mother about you...² – говорила няня.

Дениза уходила в уголок и сидела там, надувшись. Как может она дать Лолотте свою лопатку? Ведь лопатка живое существо, зовут ее Элали. У всех предметов имелись тайные имена, произносить которые было запрещено. Кожаную подушку звали Селестина, а ведро называлось господином Гиборелем, как старик-садовник из Пон-дель-Эр, который приходил с сотнями горшочков и высаживал на клумбы бегонии и гелиотроп. Дениза сидела у канавки, служившей ей убежищем, доставала из нее полные пригоршни мелкого теплого песка и просеивала его сквозь пальцы. Если в песке попадался камушек или кусочек ракушки, он застревал между пальчиками. Начинался прилив. Дениза наблюдала, как издали набегают маленькие волны; их белая пена расстилалась по песку, а когда они скатывались обратно, омытый ими песок становился блестящим, как тюлень. Слева, в направлении к Диву и Кабуру, в сверкающем лучезарном море с маленьких суденышек ловили рыбу. Дениза думала о том, как хорошо бы уплыть далеко-далеко на такой вот широкой парусной барке, и о том, какие люди несправедливые и злые.

За ее спиной сидела няня: прислонясь к купальной кабинке и склонив голову над работой, она вязала и беседовала по-французски с «мадемуазель» маленьких Кенэ.

– Если бы я только вздумала рассказать все, что я вижу, – говорила няня. – Она дурная женщина... Она целыми днями пишет ему письма...

Дениза знала, что няня говорит о ее матери. Она слушала и продолжала пропускать сквозь сито своих ручек тонкий золотистый песок, – он образовал теперь возле нее небольшой холмик.

Около шести няня сказала, что пора возвращаться. Одной рукой она взялась за коляску Бебе, другую дала Шарлотте. Дениза шла позади, за ней волочилась лопатка, скрежещавшая по шершавым плитам тротуара. Дениза знала, что этот звук раздражает няню. Она не дала себя обуть, потому что ей нравилось легкое покалывание камушков, впивавшихся в кожу. Когда она ступила босыми ногами на крыльцо виллы, его деревянные ступени были еще теплые. Дениза подумала о ванне, о том, как все песчинки, приставшие к ее телу, смоются и образуют на дне как бы маленький пляж.

² Ты непослушная девочка... Я пожалуюсь маме (англ.).

II

Госпожа Эрпен читала, лежа в шезлонге. Руки у нее были в перчатках; она опасалась, как бы морской воздух не оказал вредного влияния на кожу. На ней был розовый, отделанный широкими кружевными воланами пеньюар с высокой талией и буфами на рукавах, у плеч. Плиссированный низ пеньюара раскрывался, как веер. Прекрасное лицо госпожи Эрпен было защищено от солнца прислоненным к шезлонгу белым зонтиком, вышивка которого напоминала узор кромки крыши. Когда Дениза ступила на теплые ступеньки, ее охватило чувство восторга и непреодолимо повлекло к этому воплощению свежести и великолепия. Она обогнала маленьких, которые двигались медленно, и стала подниматься – становилась на ступеньку одной ножкой, тянула вслед за ней другую и наконец подбежала к матери, чтобы поцеловать ее.

– Подбери лопатку, Дениза, – сказала госпожа Эрпен, скрежет железа отвлек ее от чтения.

Она взглянула на маленькое созданыще в красной фуфайке, круто остановившееся у розовых воланов.

– У тебя руки в песке, – сказала она. – Поди умойся... Добрый вечер, няня... Мне пришлось написать столько писем, что я не собралась к вам на пляж... Дети вели себя хорошо?

– Нет, совсем даже не хорошо, мадам, – пожаловалась няня. – Дениза опять не дала Лолотте свою подушку.

– Право же, Дениза, в последнее время ты становишься совсем несносной, – заметила госпожа Эрпен.

– Но я не могу, мама, уступать Селестину Лолотте: она ее ненавидит.

– Не говори глупостей, – сказала госпожа Эрпен, – ты уже большая... Ты должна подавать пример... Я всячески стараюсь доставить вам удовольствие; для вас я приезжаю на море, а ты только и думаешь, как бы меня огорчить.

– Это несправедливо, – возразила Дениза.

– Что это несправедливо? – переспросила госпожа Эрпен. – Если не ради няни и не ради сестер, так старайся быть послушной хотя бы для того, чтобы угодить мне.

Дениза взглянула на растрескавшиеся плиты террасы; по ним бегали муравьи.

– Это несправедливо, – повторила она, потупившись.

Госпожа Эрпен вздохнула, пожала плечами и снова принялась за книгу. Няня с тремя девочками молча поднялась по крутой лестнице с липкими еловыми перилами. Пока Эжени и няня готовили ванну для двух младших, Дениза занялась уборкой своего шкафчика. Ей не позволили привезти из Пон-дель-Эр все ее сокровища, но самые ценные были при ней: лоскут газа, шитого золотом, сломанные карманные часы, старые трамвайные билеты и альбом с марками. Она всегда рассматривала их, пока купались маленькие, потому что в эти минуты возле нее не было няни, которая непременно скажет: «Игрушки для всех» – и заставит ее показать альбом Лолотте, а та начнет вырывать страницы. Немного погодя, когда до нее донесся из ванной плеск воды, она спустилась в кухню. С кухаркой Викториной они были друзья, зато Эжени, горничная, ставшая наперсницей няни, всегда прогоняла Денизу из буфетной.

– И что это вы вечно вертитесь около меня?

В кухне хорошо пахло. Как и крепость на пляже, кухня служила убежищем. Здесь тебя окутывало тепло. Викторина, с огромной грудью, колышущейся под синей холщовой кофтой, склонялась над плитой. Дениза обожала Викторину; кухарка учила ее молоть кофе, натирать шоколад на терке и пела для нее песенку о мальчике-савояре: «Дитя мое, собирайся во Францию, в дальний путь...» Случалось, что Викторина и сердилась, но гнев ее всегда был теплый и нежный, как пар, клубившийся из красивой медной кастрюли, которую она называла «парилкой».

– Викторина, что у нас сегодня на обед?

– Ты тут зачем? – буркнула Викторина. – Сегодня вы обедаете не с мамой... Вам дадут бульон, шпинат и компот.

– Вот и неправда! – воскликнула Дениза. – Я вижу, что у тебя там, в плите. Там пирог с клубникой и жареный цыпленок.

Кухарка сердито прикрыла черную дверцу плиты.

– Не суй нос куда не следует, – ответила она. – Все это не для маленьких девочек... Ну живо, марш отсюда... Из-за тебя мне еще попадет!

По тону Викторины Дениза поняла, что пирог и цыпленок – доказательства каких-то загадочных и предосудительных событий. В шесть лет она уже обладала каким-то тревожным тактом, боязнью что-то узнать. Она промолчала и, понурив голову, вышла из кухни. В полуотворенную дверь столовой она увидела на столе букет цветов. Казалось, весь дом готовится к какому-то празднику, из которого она исключена. Она услышала раздавшийся на лестнице голос няни:

– Дениза! Where on earth is this child?³

– Няня, – крикнула толстуха Викторина, – возьмите Денизу! Беда с этим двойным меню...

Она вышла на порог кухни и обменялась с англичанкой взглядом, в котором сквозили смех и презрение; а девочка в красной фуфайке перехватила этот взгляд и не забывала его всю жизнь.

– Hurry on!⁴, – сказала няня. – Твои сестры уже вымылись... Викторина, что сегодня у малышей на обед?

– Шпинат и компот, – ответила та.

– Good gracious!⁵ – возмутилась няня. – Я с ней поговорю.

Она пошла на веранду, и до Денизы донеслись ее негодующие возгласы:

– A child must be fed. I cannot starve them!⁶

Няня вернулась, потащила Денизу на второй этаж и бросила Эжени:

– Она дурная мать. Думает только о себе.

Сухая, узкая, презрительная Эжени ходила в черных люстриновых кофточках с высоким воротничком, окаймленным белым батистом. На груди у нее была вколота иглолка с ниткой. Дениза сняла с себя красную кофточку.

– Нянечка, – спросила она, – а кто скушает весь пирог с ягодами?

– Никогда *не спрашивай вопросы*, – ответила няня.

И она со злостью принялась намыливать шею и уши Денизы.

³ Куда же это она запропастилась? (англ.)

⁴ Поторопись (англ.).

⁵ Боже милостивый! (англ.)

⁶ Детей нужно питать. Я не могу морить их голодом! (англ.)

III

Девочек уложили спать сразу же после обеда.

– Это потому, что вы сегодня не слушались, – сказала няня.

Денизе было уже знакомо это наказание; оно обычно совпадало с посещением англичанкой местного казино. Но на этот раз няня не переделась. Дениза лежала, закрыв глаза, и силилась разгадать загадку. Она думала о тех временах, когда мать любила ее. Тогда по воскресеньям, утром, ее переносили в кровать родителей. Отец учил ее дуть на золотые часы, и от этого они открывались сами собою, мать позволяла ей играть своими длинными черными волосами, заплетенными в косы. Когда Эжени приносила родителям утренний кофе, Денизе позволялось обмакнуть в чашку ломтик хлеба. Даже днем мама иногда играла с ней, как маленькая, и, сидя на ковре, наблюдала за тем, как варится обед для кукол. Потом родилась Лолотта, потом Бебе. А теперь ее всегда бранят.

Дениза обычно спала, не просыпаясь до самого утра, до той минуты, когда вместе с солнцем в детскую входила няня. Но в эту ночь она вдруг проснулась. Из растворенного окна на три кровати падали мягкие отсветы. То было сочетание лунного света – легкого, молочно-туманного – и другого, более резкого и белого, поднимавшегося с террасы. Внизу кто-то пел; Дениза оперлась на локоть, чтобы лучше слышать. Она обожала голос матери. Еще двухлетней крошкой, едва заслышав звуки рояля, она спускалась в гостиную и умоляла: «Мама, спойте». Она особенно любила те песни, которые трогали ее до слез, например «Рылейщик». В три года она уже напевала мелодии Шумана, Брамса и обнаруживала такую музыкальную память, что мать решила «засадить» ее за рояль. Девочка делала поразительные успехи. Через полгода она уже аккомпанировала матери, когда та пела такие романсы, аккомпанемент которых был ей под силу.

– Дениза очень музыкальна, – говорила госпожа Эрпен.

– Да как же ей не быть музыкальной, когда у нее такая мать? – отвечали знакомые.

Голос, раздававшийся среди безмолвия, заполнял собою весь мир. Из сада веяло жимолостью. Маленькие спали. Притаившись в кровати, Дениза думала о том, как хорошо бы находиться сейчас наедине с мамой и любоваться ею. Мелодия разливалась широкой звучной волной. Дениза не понимала всех слов, но уловила:

Как грот базальтовый толпился лес великий
Столпов...⁷

«Лес столпов» напомнил ей об уроках гимнастики, которой она занималась вместе с детьми Кенэ в их обширном парке, где трапеции и кольца были подвешены между стволами деревьев. Она подумала о покачивании трапеции, о скрипящих кольцах, об Антуане Кенэ, которого она считает своим женихом. Потом она опять прислушалась. Пение было столь прекрасно, что ее охватила тревога. Для кого это так поет мама? Кто ей аккомпанирует?

В катящихся валах всех слав вечерних лики...

Из соседней комнаты, дверь которой была открыта, доносилось ровное дыхание – там спала няня. Дениза прислушалась к этому звуку, потом решительным движением откинула одеяло, спустилась с кровати и на цыпочках подошла к окну. Ящики с геранью издавали запах земли и прелых листьев. Небо казалось сказочным черным шатром, усеянным звездами. Вдали

⁷ Слова из романа Дюпарка «Предсуществование» на стихи Бодлера. (Перевод Вячеслава Иванова.)

кроткие волны мягко разбивались о песок, шурша, как папиросная бумага. Дениза склонилась над геранью и увидела разноцветные стекла веранды. Мать стояла у рояля в светлом платье с открытыми плечами. Какой-то господин сидел за роялем и играл, но Денизе он был виден только со спины. Его широкий затылок венчали рыжие волосы, окаймлявшие розовую, лоснящуюся лысину. Госпожа Эрпен держала руку на плече этого господина, а сам он склонился к роялю.

И разгадать не мог той тайны, коей жало
Сжигало мысль мою и плоть уничтожало.

Звучный голос возносился, казалось, до самых звезд. Потом он замер. Незнакомец снял с плеча руку госпожи Эрпен и, повернувшись, приник к ней губами. Денизе стало страшно; она быстро соскользнула с подоконника и на цыпочках вернулась в кровать.

Что это за человек, о приходе которого никто не предупредил? Не его ли ждали цыпленок, пирог с клубникой и лиловые цветы на столе? Почему Викторина и няня посмеивались, говоря о «двойном меню»? В лунном свете она увидела чей-то силуэт, колеблющийся у окна. Она так испугалась, что позвала вполголоса: «Мама!» – но тут же поняла, что это тень от ее красной кофточки, которую няня повесила сушить. Под окном снова раздался звук рояля. Денизу поразила спокойная уверенность пианиста. Он играл незнакомую ей мелодию. Из кровати она уже не могла расслышать слов. Она вздохнула, перевернулась, обхватила ручонками подушку и уснула.

Утром Дениза вспомнила все, что видела ночью, но ничего не рассказала няне и у матери не стала спрашивать. Сидя в своей песчаной крепости на пляже, она думала о затылке с рыжими кудрявыми волосами и о странных словах, которые слышала ночью. Она напевала себе вполголоса:

Как грот базальтовый толпился лес великий
Столпов...

Возвратясь с пляжа, она внимательно присматривалась к матери, проверяя, не изменилась ли она, не взволнована ли. Но мамин капот распускался розовым веером, как и накануне. Весь день Дениза не слушалась и вела себя так несносно, что госпожа Эрпен пришла в детскую, сама открыла ящик со священными сокровищами и отняла у нее самый ее любимый газовый лоскут, с помощью которого Дениза преображалась в Золушку, готовую отправиться на бал. Девочка долго рыдала. Какие все люди злые, ужасные, отвратительные! Целых два часа она заливалась слезами и стонала; наконец няня умыла ее и отдала ей лоскут. Вечером она была паинькой и много смеялась.

IV

Господин Эрпен приезжал в Безеваль по субботам и воскресенье проводил в кругу семьи. Он занимался в Пон-дель-Эр торговлей шерстью и не решался уезжать оттуда в будни – до такой степени была сурова и непреклонна дисциплина, которую внушали деловым кругам некоторые местные старожилы. У него было грустное лицо, обрамленное темной квадратной бородой. Голову он несколько склонял вправо. Госпожа Эрпен с девочками обычно встречала его на вокзале. Длинный поезд представлялся Денизе каким-то неведомым царством, а появление папиного черного пиджака, квадратной бороды и пенсне всегда вызывало у Денизы чувство изумления и казалось ей каким-то чудом. Она любила отца и всегда надеялась, что с его приездом что-то в ее жизни изменится к лучшему. Но надежды эти никогда не оправдывались.

Госпожа Эрпен встречала мужа ласково. Он спрашивал:

– Ты с кем-нибудь виделась? Ты развлекаешься?

Она отвечала:

– Что ты! Мне никого не нужно. Я здесь ради детей; морской воздух действует на них прекрасно, а все остальное мне безразлично... Ах, забыла сказать! На молу я встретила госпожу Кенэ; но ты ведь ее знаешь – кивнет и проходит мимо.

Потом начинались расспросы о делах. Тут трудно бывало понять, о чем они говорят.

– Сейчас, как всегда в августе, довольно вяло, но Лондон устойчив... это подбадривает покупателей... Паскаль-Буше взял у меня пятьсот кип австралийской, теперь веду переговоры с эльбёфскими Шмитами относительно крупной партии Монтевидео.

Дениза на ходу ловила слово «кипа» и удивлялась, как это господин Паскаль-Буше может играть пятьюстами кипами. Ведь это тот самый господин с красивой светлой бородкой, на которого няня всегда с восторгом указывает ей, когда он проезжает в экипаже и сам правит парой лошадей. Иногда господин Эрпен обращался к девочкам, чтобы вызвать их на разговор, но он был очень робок, и потому они робели перед ним. Особенно любил он обменяться с няней двумя-тремя фразами по-английски. Он несколько раз в год ездил в Лондон по торговым делам – этим-то и объяснялось появление в их доме англичанки, которая в душе презирала его. В воскресенье, в хорошую погоду, он брал Денизу с собою ловить креветок и пескороев. В таких случаях он засучивал брюки до колен. Няня смотрела на его худые икры и говорила гувернантке Кенэ: «Бедный господин Эрпен совсем не похож на спортсмена». Дениза слышала эти слова, сжимала папину руку и увлекала его за собою. Когда она, в красной кофточке, бежала рядом с ним, ей казалось, что она похожа на мальчика, и это радовало ее.

В ближайшее воскресенье, после того как Денизу ночью разбудило пение, они ловили креветок в узких теплых отмелях и так увлеклись, что отошли далеко от пляжа. Когда они остановились, оказалось, что они почти достигли порта Див, откуда тянуло запахом ила и рыбы. Господин Эрпен сказал:

– Пойдем пешком по молу, это легче, чем идти по песку.

Дениза пожаловалась:

– Я устала.

Он взял ее за локти и поднял. Ей приятно было чувствовать, что он сильный. «Бедный господин Эрпен такой хилый!» – говорила няня. Почему *хилый*? Денизе хотелось, чтобы няня видела, как легко он ее несет. Он усадил ее на каменную стену мола и с улыбкой глядел на нее, склонив голову набок.

– Отдохни немного, – сказал он.

Сидя на стене, она оказалась на уровне его лица. Никогда еще она так близко не разглядывала его. Что за странная штука борода, растет на щеках, как травка по склонам оврага. У нее снова появилось ощущение силы и доброты.

– Знаете, папочка, – сказала она, – когда вас нет и когда нас уже уложат спать, тут бывает другой господин.

– Что за вздор, – проговорил он. – Какой господин?

– Не знаю, – ответила она, – я видела только его спину... Но мама поет, а господин играет на рояле... Он очень хорошо играет... А скажите, папочка...

Он схватил так порывисто, что она испугалась, резко поставил на мостовую, потом взял за руку и повел в Безеваль. Он шел таким широким шагом, что ей приходилось бежать, сачок волочился за нею следом. Она попробовала заговорить:

– Папочка, знаете, я видела человека, у которого есть маленькая обезьянка... Она ела салат, орешки и изюм... Папочка, сколько стоит обезьянка?

Отец ничего не ответил; они уже подходили к вилле. Он круто повернул направо и перешел на другую сторону улицы. Зазвонил колокольчик у садовой калитки. Госпожа Эрпен лежала на террасе; руки у нее были в перчатках, зонтик с английской вышивкой защищал ее голову от солнца; она читала.

– Оставайся здесь, – сурово сказал господин Эрпен Денизе и бросил к ее ногам корзинку с креветками.

Она слышала, как отец что-то говорит очень громко, а мать смеется и спокойно отвечает ему. Она приоткрыла корзинку; умирающие креветки копошились, карабкались вверх. Послышались чьи-то шаги по гравии. То были няня и отец. Он забыл опустить после ловли брюки, завернутые выше колен. Голые ноги, растерянное выражение лица, голова набок – все это в целом придавало его облику нечто комическое.

– Девочка очень склонна ко лжи, сударь, – говорила няня. – Надо ее наказать. Она постоянно выдумывает всякие истории.

Госпожа Эрпен следовала за ними, томная, строгая, тщательно скрываясь за зонтиком от солнечных лучей. Она схватила Денизу за руку, так что та выронила корзинку, и стала трясти ее.

– Какая ты скверная девочка, – говорила она. – Ты очень огорчила папочку... Сегодня весь день проведешь взаперти в детской. Ступай.

Дениза до самого вечера плакала и кричала. Когда настало время принимать ванну, две младшие сестренки взирали на нее с любопытством, не смея с ней заговорить. Эжени, неумолимая и высокомерная, в черном воротничке с белой оторочкой, переглядывалась с няней и посмеивалась.

V

В 1890-х годах в Пон-дель-Эр почти все женщины из буржуазной среды казались добродетельными. В городе нельзя было совершить даже небольшой прогулки, без того чтобы о ней тотчас же не проводили ловкие, подозрительные старухи, которые следили за жителями из приотворенных окон темных гостиных. Желаям встретиться приходилось бы назначать свидания в Эврё, Руане, Париже, но автомобилей тогда еще было мало, а поездки по железной дороге сразу обращали на себя внимание. Если визиты к зубному врачу такой-то дамы и поездки в префектуру по делам такого-то господина совпадали так неуклонно, что их уже трудно было объяснить простой случайностью, опытные наблюдательницы немедленно фиксировали их закономерность. Поэтому когда лейтенанта Дебюкура в качестве любовника госпожи Эрпен сменил доктор Герен, это тотчас же стало известно всему Пон-дель-Эр.

Эту связь осуждали тем суровее, что госпожа Эрпен принадлежала к местной промышленной аристократии только благодаря снисходительности последней. Пон-дель-Эр, красивый городок с фабриками, расположенными в долине реки Эры, стал еще в XVII веке, наряду с соседними Эльбёфом и Лувье, одной из трех столиц Королевства Шерсти. Только положение фабриканта сукна дает здесь право принадлежать к местной аристократии. Некоторые семьи, например Ромийи, Пуатвены, в 1900 году владели здесь фабриками, построенными еще во времена Кольбера⁸. Их авторитет, весьма значительный, все же уступал авторитету семьи Кенэ, насчитывавшей всего лишь три поколения промышленников, но зато более мощной. Из пяти тысяч рабочих, живших в Пон-дель-Эр, две тысячи было занято у Кенэ, которые владели шестьюстами ткацкими станками; а это равнялось герцогской короне. Для всех жителей города слово «господа» так же определенно обозначало господина Ашиля Кенэ и его сына, как для Сен-Симона «господин»⁹ означало брата короля. Единственными равными господину Ашилю во всей Долине были господин Паскаль-Буше из Лувье и господин Эжен Шмит, эльзасец, обосновавшийся в Эльбёфе после войны 1870 года. Промышленная аристократия, возглавляемая этими тремя дельцами, почти совсем вытеснила местное старинное дворянство. Несколько мелких дворян, живших в обветшалых родовых замках, еще поддерживали в своем кругу традиции дореволюционной Франции, но поскольку никто из них не владел ни ткацкими фабриками, ни прядильнями, ни красильными заведениями, то их в Пон-дель-Эр считали людьми незначительными.

Вслед за промышленниками шли торговцы сукном, комиссионеры, представители страховых обществ – буржуазия богатая, чванливая, однако безусловно признававшая приоритет фабрикантов. В этой более скромной среде имелось три исключения, которые промышленность не только признавала, но и уважала, а именно банкир – господин Леклер, нотариус – мэтр Пельто и господин Аристид Эрпен, торговец шерстью. Эти люди образовали особую группу и представляли собой в Пон-дель-Эр рядом с промышленниками нечто подобное тому, чем были в свое время парламенты в глазах либерально настроенных помещиков. Что касается банкира и нотариуса, то их авторитет объяснялся тем, что «господам» волей-неволей приходилось открывать перед ними свои деловые тайны. А господин Эрпен был обязан уважением, с каким к нему относилась промышленность, священной природе сырья, которым он торговал. Он каждое утро доставлял промышленникам свертки в синей бумаге с образчиками шерсти, прибывшей из Аргентины, Чили, Австралии и Южной Африки, и в глазах фабрикантов это было некое таинственное вещество. Оно управляло их жизнью, питало их машины, оно

⁸ Кольбер Жан-Батист (1619–1683) – выдающийся французский государственный деятель.

⁹ Сен-Симон, герцог Луи (1675–1755) – автор известных «Мемуаров». *Господин* (Monsieur) – титул старшего брата французского короля.

развертывалось шероховатыми полотнищами на их кардах, оно тянулось на их веретенах, оно бежало по их станкам, оно могло обогатить или разорить их, если непредвиденно дорожало или обесценивалось. Иной раз они находили под своими станками неведомые травинки или уголек, завезенные вместе с шерстью, и человек, выписывающий ее из далеких сказочных стран, человек, который мог, взглянув на пучок черной на концах шерсти, сказать, прислана ли она из Квинсленда или из Новой Зеландии, считался причастным к тайнам ремесла. Вот почему даже суровый Ашиль Кенэ относился к нему благосклонно. Каждый день, в одиннадцать часов утра, господин Эрпен входил в его контору с синими пакетами под мышкой, и господин Кенэ ворчливым голосом произносил, стараясь быть как можно любезнее: «А! Господин Аристид!..» Начиная с 1890 года Луи Эрпен неизменно сопровождал отца в этих посещениях и нес часть синих пакетов.

Что же касается наиболее благонамеренных семей Долины – Ромийи, Пуатвенов, Паскалей-Буше, то они относились к Аристиду Эрпену доброжелательно, потому что он, отдав в своей трудной юности дань подозрительному либерализму, примкнул во время процесса Дрейфуса к тому умеренному республиканизму, который возник на почве благоговения перед Луи-Филиппом и тоски по Второй империи, а к концу XIX века стал единственно приемлемым в буржуазных кругах Нормандии.

VI

Аристид Эрпен нажил на торговле шерстью, как тогда говорили в Долине, «завидное состояние». В те времена, при системе косвенных налогов, каждый обитатель Пон-дель-Эр в точности знал как историю, так и финансовое положение всех остальных, поэтому было общеизвестно, что состояние Эрпена к 1898 году достигло миллиона двухсот тысяч франков. «Это очень много для человека, который утверждает, что берет только два процента комиссионных», – говорил Ашиль Кенэ. Это было особенно много для человека, работа которого была так легка, что из десяти часов, которые он проводил в конторе, он по крайней мере в течение восьми не знал, чем заняться, – хотя, впрочем, не мог бы уйти из конторы, не испытывая угрызений совести. У Аристида Эрпена было двое детей: дочь, которую он выдал замуж за Жана Пероти из семьи скромных фабрикантов (полтора ста станков), и сын, Луи Эрпен, которого он ввел в свое дело. Сын не оправдал его надежд, и вот почему.

Аристид Эрпен отдал мальчика в лицей в Руане, где сам учился в годы Империи, а не в лицей Боссюэ, и все были этим шокированы. В лицее Луи Эрпен проявил блестящие способности. Медаль по истории, похвальный лист за французские сочинения, отметка «хорошо» при экзамене на бакалавра произвели сильное впечатление на членов этой семьи, где больше интересовались торговлей и охотой, чем литературными тонкостями. В семнадцать лет это был юноша застенчивый и довольно образованный: он читал Мопассана, Золя и раз в неделю отправлялся с вечерним поездом в Руан, чтобы послушать какую-нибудь оперу Массне или Сен-Санса. Для Аристида Эрпена «большой ум» означало не что иное, как способность разбираться в шерсти. Когда ему сказали, что сын учится хорошо, он порадовался этому, имея в виду свою фирму. «Луи такой юноша, что, возьми он только правильный курс, он может к концу дней своих располагать двумя миллионами», – рассуждал отец, и ему уже мерещилось третье поколение, у которого будет три миллиона, а потом – в будущем, до которого он уже не доживет, – появятся Эрпены с пятью, шестью, семью миллионами. Лучезарное видение!

Нужно обладать недюжинной силой воли, чтобы поддерживать в себе качества, которые не ценятся в окружающей среде. По возвращении в Пон-дель-Эр Луи Эрпен в течение нескольких лет продолжал по вечерам заниматься: читал, делал выписки – и переписывался кое с кем из товарищей, ставших теперь педагогами или инженерами. Отбывая воинскую повинность в Руане, в 39-м пехотном полку, он влюбился в Жермену д'Оккенвиль. Девушка происходила из семьи мелких нормандских дворян, владельцев небольшого замка между Пон-дель-Эр и Лувье; зиму они проводили в своем особняке на улице Дамьет, в Руане. Крах «Всеобщей компании» в 1882 году разорил это семейство, и замок был продан. Их дочь, красавица, обладала чарующим голосом. Товарищи по полку, знавшие о любви Луи Эрпена к музыке, ввели его в этот дом. Луи пел с Жерменой дуэты. Она без труда покорила его. Когда он сказал отцу, что хочет жениться на ней, господин Эрпен страшно разгневался. Девушка была бедная, и ее семья не располагала никакими связями в промышленном мире. Зато для барона д'Оккенвиля этот неравный брак представлялся якорем спасения. Но взять в жены девушку за пределами Трех Городов – пусть это будет даже Эврё или Руан – называлось в Пон-дель-Эр «жениться на чужой», и подобное прегрешение молодым людям прощали нелегко. Жермена была так дивно хороша и так решительна, что у робкого Луи Эрпена достало мужества настоять на своем. После трехлетнего ожидания, уже в двадцатипятилетнем возрасте, он наконец добился согласия родителей.

Это усилие воли, казалось, до дна исчерпало его энергию, и он уже не мог противостоять окружающей среде. После женитьбы он погрузился в ту однообразную, размеренную жизнь, какая требовалась от всех обитателей Пон-дель-Эр. Его политические убеждения – в молодости опасные (один из радикально настроенных преподавателей внушил ему благоговение перед

Жюлем Ферри¹⁰) – со временем стали соответствовать роду его деятельности и светским успехам жены. В часы безделья, сидя в конторе, он по-прежнему много читал, но теперь он перестал говорить о прочитанном. Голова его начала клониться набок, он стал сутулиться. Будь более ловок и деловит, поездки в Лондон дали бы ему возможность сделаться авторитетом в своей специальности, но он не стремился к этому. Наблюдатель, быть может, объяснил бы его приниженность неудачей чисто физической, супружеской. Жена, казалось искренне любившая его до замужества, вскоре стала отзываться о нем с презрительной снисходительностью. Три года спустя она изменила ему с неким лейтенантом. В Пон-дель-Эр стояла рота 39-го полка; офицеры казались в этом сугубо коммерческом городе какими-то диковинными и опасными существами. В Коммерческом клубе их красные панталоны выделялись резким пятном среди черных сюртуков; на балах у Ромии офицеры танцевали с местными барышнями.

Когда лейтенанта Дебюкура перевели на Восток, у старшей госпожи Эрпен возникла надежда, что невестка исправится, но на другой год появился молодой доктор Герен; он приобрел дом и клиентуру старика Птиклемана, который дотоле лечил пон-дель-эрсское «общество». Вскоре стало известно, что Герен играет на рояле и скрипке и что в гостинной Эрпен-ов начались музыкальные вечера. Затем Герен исколотал себе должность члена санитарной комиссии, находившейся в Руане, а госпоже Эрпен вздумалось возобновить в том же городе уроки пения, которые она прервала, когда у нее появились дети. Мэтр Пельто утверждал, что повстречал их, в нескольких шагах друг от друга, на улице, возле гостиницы «Дьеп».

Особенно женщины не прощали Жермене счастья, в котором сами себе отказывали. Судачить о ее распущенности доставляло им тайное, не лишнее зависти наслаждение. Почтенные матроны посвящали по несколько часов в день обсуждению этой связи. В тот самый вечер, когда Дениза, заглянув в окно, залитое лунным светом, увидела сквозь герань человека, сидящего за роялем возле ее матери, госпожа Кенэ и госпожа Ромии, две правительницы Пон-дель-Эр, толковали о поездках доктора в Безеваль.

– Это, в конце концов, смешно, – возмущалась госпожа Кенэ. – Представьте себе, ведь он ездит туда каждую пятницу! Я это знаю потому, что две недели подряд, по субботам утром, хотела пригласить его к моему маленькому Фернану. Его лакей ответил, что он приедет из Безевала лишь в десять часов.

– Тут вина Луи Эрпена, – возразила госпожа Ромии, – не следовало отпускать жену одну на все лето... Подумайте только, она уехала уже пятнадцатого июня.

– А знаете, что она говорит? – продолжала госпожа Кенэ. – Что детям полезно море, а Герен, само собой разумеется, поддерживает ее... Но ей и дела нет до дочек. Ее англичанка говорила учительнице моих внуков, что она не видит их по целым дням. Она ссылается на то, что ее будто бы утомляет шум...

– Шум не утомляет ее, когда она поет с Гереном, – заметила госпожа Ромии. – Да, яблочко от яблони недалеко падает... Я знавала старуху д'Оккенвиль в Руане году в семьдесят втором – семьдесят пятом, когда ее муж был капитаном седьмого егерского полка. Она ублажала весь полк... Неужели вы еще принимаете у себя ее дочерей? Я лично после всех этих историй избегаю этого.

– Я иногда встречаюсь с ними днем, потому что старшая девочка бывает на уроках гимнастики вместе с моими внуками, – ответила госпожа Кенэ. – Но по вечерам я их больше не приглашаю, это главное.

Из сада господ Кенэ видны были длинные крыши их фабрики, покрытые оранжевой черепицей, трубы, из которых вертикально поднимался дым, и река, окаймленная тополями. Белая полоска дыма от проходившего поезда пересекала Долину зыбкой чертой. Старые женщины,

¹⁰ Жюль Ферри (1832–1893) – французский государственный деятель, способствовал колониальной экспансии Франции в Тунисе, Тонкине (Вьетнаме) и Конго.

сознававшие свое могущество и свободные от всяких желаний, с чувством удовлетворения созерцали этот пейзаж.

VII

Госпожа Эрпен с детьми прожила на берегу моря до конца сентября. Другие семьи давно уже уехали, гонимые холодом и ветром. Не только бело-красным холщовым палаткам, но и прочным кабинкам пришлось отступить к самой дороге под натиском приливов, которые усилились в период осеннего равноденствия: это повергло в бегство последних купальщиков. Дети Кенэ и их «мадемуазель» уехали 15 сентября. Уже нельзя было расположиться на песке – он не просыхал от дождей и туманов. Однако госпожа Эрпен решила не уезжать из Безеваля до последнего дня контракта.

– Я хочу, чтобы дети дышали свежим воздухом как можно дольше, – говорила она. – Если хорошо девочкам, значит хорошо и мне.

В кухне няня вела с Викторией дипломатические беседы, подрывавшие престиж хозяйки.

– Она готова пожертвовать детьми – пусть помирают от воспаления легких, лишь бы ей удобнее было видаться со своим дружкой.

– Что и говорить, погода неважная, – отвечала Викторина, с грохотом приподнимая черную чугунную конфорку, под которой рдели раскаленные уголья.

Господин Эрпен сам приехал за семьей – такая заботливость являлась в Пон-дель-Эр обязательной. В 1900-х годах мужчины отдыхали мало, но считалось недопустимым, чтобы жены ездили по железной дороге одни. Дениза вновь оказалась в доме на улице Карно, который представлялся ей центром вселенной.

Особняки пон-дель-эрской буржуазии были все одинаковы, так как их строил один и тот же архитектор, господин Коливо, который ни за что не соглашался внести ни малейшего изменения в разработанный им план. Он строил красные кирпичные дома, облицованные на углах тесаным камнем, с мансардой и шиферной крышей; садики, совсем маленькие, располагались позади домов. Стоило только какому-нибудь фабриканту или торговцу сукном или шерстью скопить полмиллиона, и он заказывал господину Коливо особняк, подобно тому как заказывали господину Бельджати пломбир и пирожные, когда устраивали званый обед. Господин Бельджати изготавливал всегда один и тот же пломбир с клубникой, пахнущей влагой, а господин Коливо – один и тот же кирпичный дом. Такая косность обеспечивала им успех.

Для девочек Эрпен их дом на улице Карно не был ни красивым, ни безобразным. Это был просто их дом. У Денизы была тут своя комнатка, свой шкаф, свои книги. Из окна она видела кафе, видела, как входят туда рабочие в картузах; дальше, в конце поднимающейся вверх улицы, проходила линия железной дороги, по ночам Дениза слышала паровозные гудки. Неподалеку от их дома было мужское училище – училище Боссюэ, куранты которого играли в шесть часов утра и в шесть вечера. Они исполняли всего лишь один мотив: вариации «Венецианского карнавала»¹¹.

На нижнем этаже находилась гостиная, в которой Эрпены собирались после трапез; за гостиной следовал зал, с мебелью в чехлах. Здесь стояли рояль и этажерка с нотами – предметы, казавшиеся Денизе священными. Она входила в зал, только когда занималась с учительницей музыки мадемуазель Полю или аккомпанировала матери. Госпожа Эрпен принимала по четвергам; в этот день в гостиную подавали чай и пирожные, и часам к четырем тут появлялись три-четыре родственницы.

Вскоре после возвращения домой Дениза захворала бронхитом, и к ней пригласили доктора Герена. Чтобы выслушать ее, он велел ей сесть, и она сквозь ночную рубашку почувствовала его горячее дыхание и прикосновение волосатых ушей. «Кашляни, – говорил он. – Не так

¹¹ «Венецианский карнавал» – опера Амбруаза Томá (1857).

громко. Хорошо. Теперь другую сторону». Она смотрела на него сверху и узнавала широкий затылок, завитки рыжих волос и розовую лысину того самого человека, который в Безевале сидел за роялем возле ее мамы. С этого времени многое в разговорах Эжени с няней стало ей понятным. Она узнала, что по вечерам, когда она спит, а господин Эрпен находится в клубе, к маме приезжает доктор и они музицируют. Дениза никак не могла понять, что плохого в том, что маме аккомпанирует доктор, однако замечала, что все говорят об этом, что «мадемуазель» маленьких Кенэ пересмеивается с няней и что из-за этих посещений ее папа, мама и она сама становятся для всего города предметом насмешек и пересудов. Она помрачнела и стала говорить, что не хочет видиться с другими девочками.

Когда наступила зима, госпожа Эрпен купила дочерям каракулевые шубки с горностаевыми воротниками. По воскресеньям они ходили в них в церковь. Бебе шла теперь самостоятельно, и ее звали уже не Бебе, а Сюзанной. Церковный приход Эрпенов назывался «Непорочное зачатие», для Денизы это превращалось в «Непрочатие» – в слово непостижимое и священное. Воскресная месса, наводившая на ее сестер скуку, была для нее минутами блаженства, прежде всего потому, что она молилась и твердо надеялась, что Боженька услышит ее молитвы, а также и потому, что ей нравился орган, наполнявший храм могучими волнами звуков; они пронизывали ее, укачивали и иной раз возносили до небес. Органиста звали господин Турнемин; то был седобородый старик, превосходный музыкант.

Папа ходил в церковь редко. При выходе из храма они каждое воскресенье встречали доктора Герена. Люди здоровались с ним, но он делал вид, будто любитесь скульптурой фасада, и избегал вступать с кем-либо в разговор. Дениза еще издали замечала его бежевое пальто, котелок, из-под которого виднелись рыжие волосы, и золотые очки. Он восклицал, притворяясь крайне удивленным: «Вот как? Госпожа Эрпен! Как здоровье девочек?» Мама говорила: «Поздоровайтесь с доктором». Сначала две младшие исполняли это распоряжение, но когда они заметили, что Дениза не слушается и прячет ручку в муфту, они решили следовать ее примеру. Мама несколько раз грозила наказать их. «Занятные, милые крошки», – примирительно говорил доктор.

Как-то в декабре, в воскресенье, доктор Герен приехал на улицу Карно к завтраку, а потом Денизу позвали в гостиную, чтобы она сыграла что-нибудь в его присутствии. Мама спела арию из «Ифигении»¹², и Дениза аккомпанировала ей.

Доктор сказал:

– У малышки удивительные способности. Напрасно вы вверили ее женщине, которая совсем не понимает музыки... Хотите, я поговорю со своим другом Турнемином?

Голос у него был ласковый и властный. Он говорил: «Она должна заниматься не только роялем, но также и сольфеджио, и музыкальным диктантом» – совсем так же, как говорил: «Давайте ей на ночь четверть таблетки аспирина, не больше... и три раза в день перед едой по десертной ложке вот этой микстуры». Когда он выписывал рецепт, он всегда произносил его вслух, и теперь Дениза, слыша, как он назначает программу ее музыкального образования, удивлялась, что он не сидит за столом, что перед ним не лежит листок бумаги и в руке нет пера.

– Вы думаете, что Турнемин согласится давать уроки семилетнему ребенку? – спросила госпожа Эрпен.

– За роялем она уже не ребенок, – ответил доктор.

Начиная с этого дня отношение Денизы к доктору стало сложнее. Она ненавидела его, потому что он причина позора, восхищалась им, оттого что он властвует над госпожой Эрпен, и была ему благодарна за то, что он внес перемену в ее жизнь. По просьбе доктора старик Турнемин согласился давать уроки у Эрпенов. После урока он, в виде награды, играл Денизе Баха, Бетховена или импровизировал на тему, которую они выбирали вместе. Доктор расширил

¹² «Ифигения» – имеется в виду опера Глюка «Ифигения в Авлиде» (1774) или его же опера «Ифигения в Тавриде» (1779).

музыкальные познания и самой госпожи Эрпен. Он познакомил ее с произведениями, которых она еще не знала. Теперь она пела романсы Форе, Шоссона и начала понимать Дебюсси. Довольно ленивая по природе, она в угоду любовнику готова была заниматься целый день.

Господин Эрпен в дни сватовства очень любил музыку – ту, что была в моде в Пондель-Эр около 1890 года, – и сам пел каватину из «Фауста» и серенаду из «Короля города Ис»¹³, но он с трудом воспринимал мелодии, казавшиеся ему чересчур сложными, и становился все молчаливее. Устроившись в кресле и склонив, по обыкновению, голову набок, он пытался увлечь жену и доктора былой живостью ума. Но с губ его срывались лишь деловые фразы. «В нынешнем году во Франции положение с шерстью будет нелегкое», – рассуждал он. Потом сам упрекал себя в том, что думает только о низменном, и старался слушать; но внимание снова рассеивалось. Зато когда жена начинала петь простые, трогательные мелодии, вроде «Разлуки с любимой», на глаза его навертывались слезы.

¹³ «Король города Ис» – опера Эдуара Лало (1823–1892) на сюжет бретонской легенды о королевстве Ис, затопленном океаном в IV веке.

VIII

Аббат Фори рассказывал детям Священную историю внушительным голосом, напоми-
навшим Денизе звуки органа. Проповеди аббата Фори пользовались в Пон-дель-Эр громкой
славой. Госпожа Ромийи, считавшаяся в городе большим авторитетом в духовных делах по той
причине, что ее дядя служил в благотворительном обществе при Парижском архиепископстве,
говорила, что, не будь аббат Фори хромым, он стал бы епископом. Дениза любила слушать
рассказы аббата о неопалимой купине и о жертвоприношении Авраама. Вечерами, лежа в кро-
ватке, она представляла себе, как мать приносит ее в жертву. Позднее ей особенно нравился
рассказ о дочери Иевфая, которая просила убить ее, чтобы исполнился обет, данный ее отцом.

Теперь, вместо того чтобы играть с лоскутами, она в свободную минуту открывала жития
святых – подарок бабушки д’Оккенвиль. Мученичества и страшили ее, и влекли к себе; она
испытывала странное наслаждение, читая и перечитывая описание мук, которым подвергались
праведники. Она знала, что святого Винцента палачи привязали к дыбе и с помощью кана-
тов растягивали ему руки и ноги, а потом тело его терзали железными крючьями и посыпали
солью раны, чтобы растравить их. Особенно привлекали ее казни мучеников. Ей нравились
рассказы о девственницах, которые умерли, чтобы сохранить свою чистоту, как, например,
святая Евлалия, которую исполосовали стальными ткацкими гребнями, потом палили пыла-
ющими факелами, а она оставалась все такою же непоколебимой, – или как святая Агнеса,
которая из стыдливости прикрылась своими волосами даже в тот миг, когда ей наносили смер-
тельный удар. Лежа на ковре в гостиной, Дениза держала перед собою толстую книгу и рас-
сматривала картинку, где были изображены кающиеся грешницы во главе со святой Марией
Магдалиной, которые попирали ногами знаки своего легкомыслия (ожерелья, ларцы с драго-
ценностями, сосуды с благовонными маслами); госпоже Эрпен и в голову не приходило, что
Дениза в это время молится о том, чтобы и ее мать раскаялась и стала святой.

Однажды аббат Фори долго рассказывал детям о Пресвятой Деве.

– Она Девственница, – говорил он, – но она в то же время и Мать... Вы должны чтить
свою мать, должны думать о ней с благоговением и гордостью, ибо мать – воплощение всех
семейных добродетелей...

Стоя на коленях перед алтарем, Дениза попробовала думать о маме так, как учил аббат
Фори, – с благоговением и гордостью. При выходе из храма Денизу встретила Эжени, и девочка
сказала:

– Я хотела бы увидеть маму, как только приду домой.

– Попадешь в самый раз! – насмешливо ответила Эжени.

Дениза осеклась. Было шесть часов. На башне училища Боссюэ куранты играли «Венеци-
анский карнавал». Они так долго молчали между первой и второй вариацией, что уже думалось:
будет ли продолжение? Дома мадемуазель Пероля (молодая швейцарка, сменившая няню)
велела Денизе не шуметь, потому что мама больна. В семь часов Дениза пообедала вдвоем с
отцом; он казался очень расстроенным и почти не обращал на нее внимания. После обеда она
спросила:

– Можно мне пожелать маме спокойной ночи?

– Зайди на цыпочках, – ответил отец, – но, если она устала, долго не сиди.

Дениза вошла, в комнате пахло мятными каплями и одеколоном; мама лежала на боку;
при виде дочери она повернулась к ней, глаза у нее были заплаканы.

– Это ты? – сказала она довольно ласково. – Кто тебя прислал? Что тебе?

– Может быть, я могу что-нибудь сделать для вас, мама?

– Нет. Впрочем, вот... Подойди и положи мне руку на лоб. Очень болит голова.

Дениза приблизилась к кровати и приложила руку к горячему лбу матери. Немного погодя она предложила:

– Мама, хотите, я вам почитаю?

– Нет, – ответила госпожа Эрпен, – помолчи... Не утомляй меня.

Минуту спустя она отстранила ручку дочери.

– Тебе жарко, ступай, – сказала она. – Скажи, чтобы меня не беспокоили.

Дениза спустилась вниз, в кухню. Там она застала Эжени, Викторину и ее мужа, Леопольда Куртегеза, работавшего ткачом у Кенэ. Эрпены не держали мужской прислуги, но муж Викторины колот у них дрова и ведал отоплением. Это был мужчина с густыми усами; ему всегда было жарко, и он сидел за кухонным столом в расстегнутой рубашке, с голой волосатой грудью. В глазах Денизы он являлся олицетворением силы, такими, вероятно, были палачи, терзавшие святую Аполлину.

– Ах, ты тут, – сказала Эжени. – А я думала, ты у барыни.

– Мама захворала, – ответила Дениза. – Она велела сказать, чтобы ее не беспокоили.

– Ей бы очень хотелось, чтобы ее побеспокоили, да только не мы с тобой, – заметила Эжени.

– А доктор был? – нерешительно спросила Дениза.

– Вот в том-то и дело, что не был, – ответила Эжени, подмигнув.

– Перестань! – прервала ее с упреком Викторина. – И озорница же ты! Пожалела бы девочку! А ты ступай-ка спать, – сказала она Денизе.

– Нет, позволь мне тут побыть, – попросила девочка.

Викторина прижала ее к мягкой, теплой массе, колыхавшейся под синей кофтой.

– Что ж, побудь, – сказала она. – Уж Викторина-то твоя всегда при тебе останется.

Она дала ей каштанов, которые только что нажарила для мужа. Немного погодя он запел. Он знал песенку, которая очень нравилась Денизе.

Не плачь, моя Сюжетта,
Беда не велика...
Пройдет тревог пора,
Ты лучше улыбнись
И гнездышком младенца
Уже теперь займись.

Дениза, усевшись за некрашенный кухонный стол, вместе с Викториной и Эжени подхватила припев. Теперь она заливалась смехом. Потом запела Викторина: «Бедный паренек, собирайся во Францию, в дальний путь...» Немного погодя за Денизой явилась мадемуазель Пероля, и Дениза пошла к отцу, чтобы пожелать ему спокойной ночи. Он сидел в гостиной один, с газетой на коленях, и вид у него был очень печальный и подавленный. Он равнодушно поцеловал ее в лоб и снова задумался.

IX

Мадемуазель Пероля не была такой черствой, как няня Карингтон, однако она причиняла Денизе больше страданий, чем та. Молодая, восторженная, благородная, она решительно отстаивала справедливость и добродетель. Она жалела Денизу, старалась ее утешать и тем самым внушала ей тягостное чувство, что она самая несчастная девочка на свете. Она плохо знала детей, забывала о том, что дети понимают или по-своему искажают все, что слышат, и неосторожными разговорами с Эжени открывала перед Денизой много таких подробностей, о которых та и не подозревала, пока при ней находилась няня.

По ее оплошности Дениза узнала, что мамина болезнь вызвана поведением доктора Герена.

– Он завел себе сиделку из больницы, – говорила Эжени. – Мадам стала устраивать ему из-за нее сцены, а он не из тех, кто станет ей потакать.

Госпожа Эрпен все еще не вставала. Господину Эрпену, хоть он был очень занят и находился дома только с двенадцати до двух, приходилось распоряжаться по хозяйству и заниматься детьми. После завтрака он вызывал Викторину в гостиную, проверял счета и выдавал ей деньги.

– Госпожа серьезно больна, Викторина, – говорил он, – пожалуйста, готовьте ей кушанья полегче. Что она любит? Чем бы ей угодить?

Когда Дениза заходила в кухню, она слышала, как Эжени и Куртегез повторяли слова господина Эрпена и смеялись. Ей становилось стыдно, и она нарочно подходила к плите, чтобы не заметили, что она краснеет. Сквозь конфорку плиты сверкали рдеющие уголья – совсем как те, на которых палачи сожгли святую Евлалию.

Однажды вечером Дениза привела к постели госпожи Эрпен Шарлотту. Крошка спросила: «Мамочка, почему вы не позовете доктоля?» – и это вызвало у больной истерику. Так как жена не желала обратиться ни к одному из местных врачей, господин Эрпен по телефону пригласил из Руана профессора Брюнуа и – случай неслыханный – ушел из конторы в десять часов утра, чтобы принять его. Старая госпожа Эрпен приехала со своей дочерью Мартой Пероти, они хотели сразу же узнать, что скажет профессор. В местных гостиных они всячески выгораживали Жермену, но наедине с дочерью госпожа Эрпен сокрушалась.

– Как мне жаль Луи, – говорила она. – Все эти болезни Жермены – одно притворство. Ведь все дело в том, что Герен ее бросил и она рассчитывает разжалобить его, чтобы вернуть. Беднягу Луи она просто водит за нос. Подумать только – он взял ее без гроша, а ведь мог бы рассчитывать тысяч на триста приданого. Вдобавок, другой такой транжирки не найти; смотри – ни у тебя, ни у меня нет такого дома. Соболий палантин... жемчужное ожерелье. И никогда ласкового слова, одни только попреки, требования...

– Луи мог бы развестись, – заметила Марта Пероти.

– С ума сошла! Не было еще случая, чтобы кто-нибудь из Эрпенов развелся.

Крошка Лолотта, игравшая в куклы на ковре, подняла голову и сказала:

– Мадемуазель Эрпен – это я!

– Поди в сад, милочка, посмотри, как там растут цветочки, и выбери какой-нибудь покрасивее для тети Марты.

– Если бы она хоть детей-то любила, – сказала госпожа Пероти.

– Да ведь она, как известно, иногда по три-четыре дня даже не входит в детскую.

– У Луи с самого начала не хватило твердости, – сказала Марта.

– Луи у ее ног, – заметила госпожа Эрпен-старшая. – Он, бедняжка, все еще влюблен. После девяти лет брака это просто невероятно.

Луи Эрпен вернулся в гостиную. Руанский профессор был очень удивлен тем, что к больной не пригласили местного врача, был раздражителен, упомянул о нервах, предписал определенный режим и на этом распрощался. Дамы иронически переглянулись. Эрпен, склонив голову набок, печально вернулся в контору и снова принялся за «Ивовый манекен»¹⁴. Мадемуазель Пероля собиралась идти гулять с Денизой, уже одетой в каракулевую шубку, как вдруг ее окликнула Эжени:

– Поднимитесь обе к мадам.

Дениза застала мать в большом волнении, она сидела на постели с письмом в руке.

– Послушайте, мадемуазель, – сказала она, – отнесите это письмо доктору Герену, на улицу Сент-Этьен, и подождите ответа... Не обращайтесь, если лакей скажет, что доктора нет дома; он в это время всегда принимает больных... Если он к вам выйдет сам, пусть Дениза ему скажет, что мама очень больна и что он непременно должен приехать лечить ее... Поняла, мое сокровище?

Она привлекла к себе дочь и нежно ее поцеловала. Мадемуазель Пероля молча взяла конверт. Девочка, стоя рядом с ней, поглаживала свой меховой воротник; она знала, что воспитательница презирает ее маму, и это было ей тяжело. Внизу Эжени, провожая их до двери, буркнула:

– Только этого не доставало... Пользоваться в таких делах ребенком!

Мадемуазель вздохнула и повела Денизу к доктору. Улицы городка, полные бедного шумного люда в часы, когда начинается и кончается работа на фабриках, в остальное время бывали пустынные. Стремительные ручейки, окрашенные в синий, желтый, красный цвет, несли к реке сточные воды красилен. Дениза, склонив головку и запрятав руки в муфту, шагала по широким каменным плитам тротуара и старалась не наступать на полосы цемента, отделявшие одну плиту от другой. Если ей удастся пройти весь путь, ни разу не наступив на полосу, доктор откажется прийти. Ей так хотелось, чтобы он отказался! Она считала, что мать заслуживает наказания. Нет, мама не стала святой в силу раскаяния, она – великая грешница, какими были язычницы. Дениза думала о докторе Герене со смешанным чувством восхищения и зависти: ведь он держит в своих руках судьбу этой грозной женщины, перед которой папа трепещет, словно ребенок! Она представляла себе, как доктор, сильный, злой, непреклонный, рвет у себя в кабинете на клочки письмо госпожи Эрпен, и при этом она чувствовала на груди его горячее дыхание и прикосновение волосатых ушей. Мадемуазель обогнал какой-то мужчина; он шел очень быстро, прижав локти к туловищу; то был господин Лесаж-Майль, фабрикант, отошедший от дел. С тех пор как он перестал работать, он целыми днями бегал по городу с тросточкой в руке, с цветком в петлице. И весь Пон-дель-Эр недоумевал: куда это он так спешит?

Парадное у доктора отворил слуга в белом переднике и черно-желтой жилетке.

– На прием? – спросил он.

– Нет, – ответила мадемуазель, – у нас спешное письмо к доктору. Мы подождем ответа.

– Присядьте на минутку, – ответил слуга. – Я передам письмо со следующим пациентом.

В прихожей пахло аптекой. У зеленоватого стенного ковра стояла широкая скамейка, мадемуазель посадила на нее Денизу.

– Может быть, вы пройдете в приемную? – предложил слуга.

Мадемуазель отказалась:

– Нет-нет.

Ей было неловко. Дениза через приотворенную дверь рассматривала белую комнату, где блеснули какие-то аппараты и склянки. Вдруг распахнулась обитая кожей дверь и появился доктор. В руках он держал письмо госпожи Эрпен; он, видимо, торопился.

¹⁴ «Ивовый манекен» – роман Анатоля Франса (второй том «Современной истории», 1897). Герой романа, господин Бержере, переживает ту же драму, что и Луи Эрпен.

– Это вы, мадемуазель?.. – проговорил он. – Передайте госпоже Эрпен: раз она считает, что я могу быть полезен, я приду...

– Хорошо, доктор, – ответила мадемуазель Пероля. – А как сказать мадам – когда вы...

– Минутку... – Он вынул из кармана записную книжку. – Сегодня, в шесть часов. Скажите лучше – в половине седьмого, чтобы она не волновалась... Что ж это, – обратился он к Денизе, – мамочка заболела? А ты как? Все так же хорошо играешь на рояле?

Он взял ее за подбородок. Его грубоватые жесты пугали детей. Дениза опустила голову и промолчала.

На другой день госпожа Эрпен уже могла встать, а два дня спустя порадовала домашних, появившись в столовой к завтраку в простом белом платье. Господин Эрпен в волнении встал из-за стола, подвел ее под руку к стулу и велел Эжени подать бутылку шампанского. Бутылка, почти нетронутая, была выпита в тот же вечер на кухне Куртегезом, который по такому случаю спел громче обычного:

Не плачь, моя Сюзетта...

После этого эпизода Дениза окончательно вышла из повиновения.

– Ничего не понимаю, – удивлялась мадемуазель. – Я еще не встречала такой умной девочки. Я люблю ее всем сердцем, знаю, что и она меня любит и вовсе не хочет меня огорчать. И все-таки ничего не могу от нее добиться. Это какая-то ненормальность.

Будь мадемуазель Пероля наблюдательнее, она заметила бы, что все предосудительные поступки Денизы совершались с расчетом рассердить или возмутить мать. Госпожа Эрпен, всегда подтянутая, элегантная, требовала от девочек безупречной опрятности. Дениза считала делом чести ходить замарашкой. Однажды мадемуазель Пероля застала ее за тем, что она пачкала угольной пылью свои белые башмачки. Воспитательница расплакалась и заявила, что больше не в силах заниматься такой злой девочкой. Когда для Денизы настало время первого причастия, родители долго обсуждали, как с нею поступить, и в конце концов решили, что на будущий год поместят ее в пансион Святого Иоанна.

X

Монастырь Святого Иоанна, занимавший несколько старинных зданий, уступами спускающихся к реке между Лувье и Пон-дель-Эр, представлял собою католическое учебное заведение, которому местная промышленная аристократия уже целое столетие доверяла воспитание своих дочерей. Монахини покинули его в 1905 году¹⁵, и их заменили сестры-мирянки. Начальница, мадемуазель д'Обрэ, высокая и полная, носила черное шелковое платье и всегда держала белые пухлые руки скрещенными на животе. Когда она шла по двору или входила в класс, глаза ее бывали опущены, но из окон своего флигелька, стоявшего у входа в монастырский двор, она следила за воспитанницами пронизательным умным взглядом. Эта женщина, никогда не выходившая за стены монастыря, отлично знала историю и все тонкости иерархического положения каждой семьи. Она понимала, что Элен и Франсуаза Паскаль-Буше, милые белокурые девочки с ясным выражением лица, принадлежат к тому миру, в который никогда не проникнуть Денизе Эрпен – девочке с суховатыми, малопривлекательными чертами, которую привезла в монастырь чересчур нарядная мать. Но настоятельница старалась восстановить среди воспитанниц то равенство перед Богом, которое отвергалось их тщеславными родителями.

Каждое утро, без пяти восемь, ученицы должны были собираться во дворе, выстраиваться в шеренги и стоять не шевелясь. Все были с длинными косами, спускавшимися на спину. Ровно в восемь, при первом ударе часов, настоятельница выходила из своего домика, направлялась вдоль рядов и выбирала какую-нибудь девочку, взяв ее за руку. То бывала воспитанница, либо отличившаяся в учении или набожности, либо такая, которую она хотела, по причинам ей одной известным, возвысить или реабилитировать в глазах подруг. Затем она направлялась к часовне, по-прежнему держа избранницу за руку, а остальные следовали за ними попарно. Этот ритуал не был лишен величия, а благодаря томительному ожиданию, которое ему предшествовало, он производил на девочек особенно внушительное впечатление. В первый год своего пребывания в монастыре Дениза была одной из тех, которые чаще всего удостоивались этой чести.

Год, когда Дениза должна была принять первое причастие, был для нее временем восторженной набожности. Она подвергала себя лишениям: не ела после завтрака шоколада и фруктов, по два дня воздерживалась от беседы. Она давала себе обет платить добром за зло, а в дни каникул, когда возвращалась на улицу Карно, она, к изумлению сестер, дарила им самые драгоценные вещицы из числа тех, что тщательно хранились в ее шкафу. Так, она подарила Сюзанне сервиз из стекла с прожилками, который выиграла на ярмарке; девочка разбила его почти тут же; Дениза расплакалась, но подошла к Сюзанне и поцеловала ее. Эжени вздумала было дурно отозваться о ее матери, но Дениза сразу же прервала ее и прочла ей проповедь о злословии. Ее охватило горестное удивление, когда она поняла, что, несмотря на все ее стремление к святости, ее духовный наставник, аббат Гиймен, по-прежнему не уверен в ней. Это был молодой священник, очень красивый; когда к нему обращались, он заливался румянцем. Однажды, когда она пыталась описать ему свою внутреннюю борьбу и свои достижения, он ей сказал: «Дениза, вы как пламя; вы сжигаете все, к чему только прикоснетесь».

Тут она подумала, как раньше на пляже: «Люди несправедливы». Когда аббат Гиймен, краснея, учил, что надо избегать нечистых помыслов и плотского греха, за которые нас ждут вечные муки в адском пламени, она чувствовала себя грешной и несчастной. Вокруг нее сто девочек в черных передниках слушали аббата с явным равнодушием. От передничков исходил кисловатый запах – пахло щелоком и чернилами. Дениза думала о том, что матери ее суждены

¹⁵ В это время во Франции был принят закон об отделении Церкви от государства.

вечные страдания, еще более страшные, чем те, которым язычники подвергали святых мучениц. Кое-кто из подруг, выросших в деревне и хорошо знавших физическую сторону любви, достаточно ясно растолковал ей, что такое плотский грех. Она представляла себе мать и доктора Герена лежащими друг возле друга. Она вновь видела, как доктор Герен выходит из своего кабинета в переднюю, пропахшую аптекой, и ей казалось, что она все еще чувствует на подбородке прикосновение его жестких пальцев.

Когда мать впервые привезла ее в монастырь, при взгляде на большие белые строения на берегу реки Дениза восприняла их не как темницу, а как убежище. Тут, за высокими стенами, стоящими под защитой суровых башен, никто не заговорит с ней о доме на улице Карно, который она про себя называла проклятым. Кто здесь, в тщательно запираемых двориках, знает, что доктор Герен каждый вечер приходит в их дом играть на скрипке, в то время как господин Эрпен сидит в клубе? Кто здесь знает, как госпожа Эрпен потешала прислугу стенаниями, когда узнала, что доктор предпочел ей сиделку? Но мало-помалу Дениза обнаружила, что ее история известна всему монастырю. Весь свет, казалось, занят домом на улице Карно. В часовне ей чудилось иной раз, что черные проворные бесы шныряют между скамьями, прижав локти, как господин Лесаж-Майль, и шепчут: «У Денизы Эрпен мать блудница; она с доктором Гереном творит плотский грех».

Некоторые девочки никогда с ней не играли. Несмотря на все старания учительниц, во время перемен воспитанницы разбивались на замкнутые группы. Элен и Франсуаза Паскаль-Буше, верховодившие в самой влиятельной группе, здоровались с Денизой при встречах в коридоре или в строю; они были ласковые и воспитанные, но в тоне их чувствовалось, что у них нет желания сойтись с нею поближе. Денизу это тем более огорчало, что она считала их очень красивыми. Она страстно желала заслужить их любовь, поразить их ловкостью в игре или самопожертвованием. Быть может, именно эту неистовость желания и имел в виду аббат Гиймен, когда говорил: «Дениза, вы как пламя...»

Между тем как-то перед прогулкой, которую воспитанницы совершали по четвергам, одна из самых видных девочек этой компании, Сабина Леклер, спросила у Денизы, не хочет ли она пойти в паре с нею.

Для Денизы это было великой радостью. Идя по тропинке, которая вилась вдоль реки под склонившимися над ней ивами, девочки оживленно щебетали. Дениза разоткровенничалась, и ей показалось, что она обрела близкую подругу. На следующий день в первую перемену она подошла к Сабине и предложила поиграть.

– Нет, зачем же, – ответила та, засмеявшись. – У меня есть подруги.

– А как же вчера? – вырвалось у Денизы.

– Вчера было просто так, – ответила Сабина. – Мне только хотелось узнать, какая ты, о тебе ведь рассказывают разные разности.

Сабина Леклер присоединилась к своим. В тот год девочки увлекались игрой в серсо, с палочками и обручами, обтянутыми полосками красного бархата и золотой тесьмы. Но бархат вскоре отклеивался, и тогда обнаруживалось некрашеное дерево, казавшееся безобразным, унылым и жалким.

XI

После того как компания Паскаль-Буше отвергла Денизу, она сблизилась с другой группой, которая нравилась ей меньше, зато лучше к ней относилась, ею верховодила Берта Пельто, дочь пон-дель-эрского нотариуса. У этой толстушки было действительно доброе сердце. Дениза подружилась с ней. Когда наступили пасхальные каникулы и им надо было разлучиться, они были этим очень огорчены. Берта сказала Денизе:

– Раз мы с тобой обе едем в Пон-дель-Эр, я попрошу маму, чтобы она как-нибудь пригласила тебя к нам.

Это приглашение стало для Денизы самым важным, самым лучезарным событием той весны.

Не без тревоги возвращалась она в дом на улице Карно, где ей предстояло провести две недели. Госпожа Эрпен на расстоянии превратилась для нее в грозное чудовище. Она ненавидела мать и сама упрекала себя за это. Вразрез со сложившимся у нее безобразным, отталкивающим образом матери, она сразу же была очарована, вновь увидев эту еще совсем молодую, полную жизни даму. На госпоже Эрпен было новое платье из молочно-синего крепона, показавшееся Денизе после черных монастырских передников радостным, как весна. За завтраком госпожа Эрпен старалась обворожить дочерей и мужа, была кокетлива, мила, нежна, насмешлива, – и в несколько минут завоевала их сердца.

Дом и сад показались Денизе крохотными, но вновь видеть их доставляло ей радость, которой она и сама не ожидала. В первый вечер, лежа в постели, она с удовольствием прислушивалась к паровозным гудкам. В шесть часов утра ее разбудили куранты училища Боссюз; они играли «Венецианский карнавал», запинаясь перед некоторыми нотами, словно живой человек. Дениза встала и подошла к окну, чтобы посмотреть на улицу; сквозь серые сумерки виднелись рабочие в картузах, входившие в закускую. Дениза оделась и спустилась в кухню. Викторина устроила ей торжественный прием; она приготовила к завтраку ее любимые блюда: пудинг из макарон и цыпленка с маслинами. Куртегез смущался в ее присутствии, называл ее теперь «мадемуазель Дениза» и уже не обращался к ней на «ты». Все семейство отправилось к поздней мессе в церковь Зачатия, и Денизе позволили подняться на хоры, к господину Турнемину. На паперти господин Эрпен молча отделился от жены и пошел вперед. Доктор Герен рассматривал в это время скульптуру портала, но обернулся в тот самый момент, когда мимо него проходила госпожа Эрпен с детьми.

Тогда Дениза поняла, что за лицемерной, спокойной видимостью в их семье все осталось по-прежнему. В понедельник госпожа Эрпен сказала, что ей придется съездить в Руан, чтобы навестить бедную больную мамочку. Дениза хотела было тоже поехать, но мать с недовольным видом отказалась взять ее с собой. В виде утешения отец повел ее к себе в контору. Она любила бывать на складах, где пахло шерстью и салом, ей нравились огромные тюки, на которые отец подсаживал ее, когда она была маленькой. Аристид Эрпен, дремавший в кресле, встал и подарил внучке двадцатипятифранковую золотую монету. Вечером, к обеду, госпожа Эрпен не вернулась.

– Мама, должно быть, опоздала на поезд в пять сорок девять, – сказал господин Эрпен с напускной непринужденностью. – Она подождет поезда в шесть десять.

– Девочки проголодались, сударь, – ответила с упреком мадемуазель Пероля, – им надо ложиться.

– Накормите их, – сказал он, – а я подожду.

Госпожа Эрпен приехала только в восемь. Дениза надеялась, что отец встретит ее сурово. А он только сказал:

– Как ты задержалась.

Она ответила:

– Я опоздала на поезд. Такая глупость: запирают двери за пять минут до отхода.

– Я так и думал, – сказал господин Эрпен, гордо взглянув на мадемуазель Пероля.

Денизе хотелось, чтобы он закричал; в это мгновение она пожалела, что родилась не мужчиной, а то она швырнула бы эту улыбающуюся женщину на пол, стала бы бить ее и терзать. Ничего подобного не произошло. На другой день госпожа Эрпен была еще жизнерадостнее и ласковее, муж ее – влюблен и покорен, как никогда.

Прошло дней пять, и Дениза стала беспокоиться, что нет весточки от Берты Пельто. Она поделилась с мадемуазель Пероля, потом с матерью.

– Я буду крайне удивлена, если госпожа Пельто пригласит тебя, – довольно желчно ответила госпожа Эрпен. – Она подруга твоей бабушки, а ее муж наш нотариус, но ни я у них, ни она у нас никогда не бывала, и я не намерена делать первые шаги.

– Но, мама, Берта три раза просила меня... А когда мы в монастыре прощались, она даже сказала: «Мне очень хочется, чтобы ты познакомилась с моим братом».

– Берта дурно воспитанная девочка. Она говорила, не спросившись у матери...

– Но, мама, мы с Бертой Пельто неразлучны... Мадемуазель д'Обрэ даже упрекнула меня за это... Однажды она сказала, глядя на нас, что не любит, когда подруги чересчур отстраняются от других.

– И она вполне права, – сказала госпожа Эрпен. – Повторяю, что Берта, возможно, и очень расположена к тебе, но если бы ее мать хотела тебя пригласить, так она и пригласила бы.

– Мама, а вы не могли бы позвонить, чтобы узнать...

– Разумеется, я не могу кланяться, чтобы тебя пригласили, – ответила госпожа Эрпен.

Но, видя, что Дениза готова заплакать, она добавила неожиданно ласково:

– Уж в крайнем случае я могу позвонить и пригласить твою подругу к нам.

Дениза запрыгала и заплясала от радости. Она подумала, что еще приятнее будет видеть Берту дома, в своей собственной комнате, показать ей свои книги и игрушки. Но надежды не оправдались. Госпожа Пельто ответила, что очень сожалеет, просит извинения, но Берта уже приглашена на все дни до конца каникул. Для Денизы это было большим горем.

Когда она вернулась в монастырь, мадемуазель д'Обрэ вызвала Берту к себе в кабинет и долго с ней говорила. Когда девочка вышла, Дениза поспешила к ней.

– Что она тебе сказала?

Берта была смущена, колебалась, она взглянула на окно, из которого начальница наблюдала за воспитанницами, потом увлекла Денизу в самый дальний уголок двора, под навес.

– Она запретила говорить тебе, а я не хочу, чтобы ты думала, будто это я. Оказывается, мама приезжала к ней и упрекнула ее за то, что я тебя пригласила к нам. И она мне сказала: «Я не могу одобрять или осуждать пожелания, которые мне высказывает насчет вас ваша мать, но мой долг сказать вам, что лучший способ не огорчать Денизу Эрпен – это поменьше дружить с ней...» Я не решилась ничего возразить. Как это неприятно!

Дениза не спросила, почему госпожа Пельто недовольна их дружбой. Она знала почему. И она озлобилась. Она перестала доверять Берте Пельто, начальнице, подругам. Чтобы возвыситься над ними, она решила быть во всем первой. И она достигла этого. В течение трех лет она каждую неделю заслуживала отличие за успехи в науках. Зато она уже никогда не получала награды за поведение. Она стала такой же строптивой, какой была когда-то на улице Карно. В тринадцать лет она говорила начальнице, не смущаясь и смотря ей в глаза:

– Но я, по крайней мере, не лицемерка.

Ее восторженная набожность внезапно исчезла в тот день, когда Берта передала ей слова мадемуазель д'Обрэ. Только уроки музыки, которые давал ей старик Турнемин, умеряли на несколько часов в неделю ее отчаяние. Он приходил по понедельникам и четвергам, целовал ее в лоб и спрашивал:

– Занималась?

– Да, много, – отвечала она.

Редко бывало так, чтобы она действительно занималась. Исключительно одаренная, она без труда разбирала любые вещи. С первых же тактов Турнемин засыпал и просыпался только к концу пьесы. Тут она принималась упрашивать его:

– Сыграйте мне Прелюдию, Хорал и Фугу.

Он начинал играть, и его проворные пухлые руки извлекали из старого рояля дивные мелодии; Дениза плакала.

– Какая ты глупенькая, – говорил он, – это прекрасно, слов нет, но зачем же плакать?

При подругах она бы не заплакала.

– Вы гордячка, Дениза, – говорил аббат Гиймен, с грустью смотря на нее. – Гордец не верит в самого себя, и поэтому-то ему и нужна поддержка. Смирясь перед Господом, вы обрели бы уверенность в Его доброте; перед Его лицом вы почувствовали бы себя такой же, как все другие девушки, и избавились бы от своих тревог. «Ибо тот, кто унижит себя, будет возвеличен, а кто возвеличит себя – будет унижен».

Дениза не хотела унижаться. Она радовалась, когда учительницы говорили: «Дениза на редкость умная девочка, но несносная». Она была непримирима к несправедливости, и ей одновременно хотелось играть роль и угнетаемой праведницы, и бунтующей мстительницы. Она всегда делала уроки скорее всех, и поэтому у нее хватало времени тайком писать во время уроков романы и драмы, добродетельная героиня которых то искореняла всех своих врагов, то сама гибла на плахе. Однажды начальница отобрала у нее такую тетрадь. Прочитав ее, она пригласила к себе госпожу Эрпен и заявила, что ее дочь слишком восторженная девушка, чтобы находиться вместе с другими, что она сожалеет об этом, ибо очень расположена к Денизе, но просит после летних каникул не привозить Денизу в монастырь.

XII

Хотя господин Коливо и построил для буржуазных семейств Пон-дель-Эр не один десяток совершенно одинаковых кирпичных домов, он так и не заметил, что все они страдают одной и той же весьма досадной особенностью: каминные ниши и второго этажа представляли собою как бы два отверстия слуховой трубки. Так, на улице Карно в комнате Денизы было слышно все, что говорилось внизу, в маленькой гостиной. Однажды, лежа с романом Вальтера Скотта на ковре у камина, она услышала из открытого дымохода голоса матери и доктора Герена, они говорили о ней.

– Уверяю тебя, она меня очень тревожит, – говорила госпожа Эрпен. – Не знаю, может быть, раньше я и была пристрастна к ней, но она действительно стала маленьким чудовищем... Дух противоречия в ней прямо-таки невероятный; подумай, вчера вечером, рассчитывая сделать ей удовольствие, я предложила пойти с ней на «Сирано», на гастроли труппы Барэ. Она отказалась, и очень сухо... Послушал бы ты, каким тоном она мне отвечает... Я пробовала быть с ней ласковой, пробовала быть суровой. Чем больше ее наказываешь, тем более она ожесточается.

– Никогда не следует принимать симптомы за причины, – прозвучал отчетливый голос доктора. – Когда речь идет о болезни, симптомы могут быть сигналами скрытого нарушения, весьма далекого от того места, которое кажется пораженным. Головная боль может быть следствием заболевания почек... То же и с психическими расстройствами... Я наблюдал за ней; у нее твердый характер и, по-видимому, высокие нравственные идеалы, но что-то мучает ее... быть может, наши отношения.

– Да что ты! – возразила госпожа Эрпен. – Девочке тринадцать лет. Ей это и в голову не приходит. Правда, мадемуазель Пероля говорила мне, что она интересуется сплетнями.

– Тут нужна большая осторожность и снисходительность, – сказал доктор. – На твоём месте я попробовал бы поместить ее на несколько лет в совершенно новую среду... Это свело бы на нет все неприятные ассоциации... Почему бы не устроить ее в Руан, в лицей?

– В лицей? – повторила госпожа Эрпен. – Но ни одна девушка из нашей среды не учится в лицее.

– Тем лучше, – сказал доктор, – перемена обстановки будет еще разительнее.

Потом на несколько секунд голоса умолкли.

– Правда, – добавила наконец госпожа Эрпен, – если она будет учиться в Руане, то может жить у мамы. Я навещала бы ее. Это было бы очень удобно.

Дениза, не вставая с ковра, со злостью сжала зубы. Никто в этом отвратительном мире не говорит правду. Мама и доктор Герен, обращающиеся друг к другу при людях не иначе как «сударыня» и «сударь», наедине говорят на «ты». Накануне Дениза была у бабушки Эрпен и довольно презрительно упомянула там о частых посещениях доктора, а старухе не удалось совладать со своей ненавистью к невестке и скрыть, что ей все известно.

– Я сама устроила Эжени к твоей матери, чтобы хоть немного знать, что у вас творится, но Эжени обернулась против меня, – сказала она.

Между тем бабушка Эрпен собиралась в тот же вечер приехать к ним обедать, она будет называть маму «дорогая крошка», она будет хвалить обед и скажет с покровительственной улыбкой: «Здравствуйте, Эжени». Все те, к которым ее учат относиться как к существам священным, поступают дурно. Единственное исключение – отец, но он человек слабый, всегда безмолвный и уставший.

Погрузившись в эти размышления, Дениза не заметила, как ушел доктор. Вдруг дверь ее комнаты отворилась. Перед ней стояла госпожа Эрпен. Для Денизы не было ничего неприятнее этих внезапных вторжений. Няня, а потом мадемуазель объяснили ей, что, прежде чем войти в

комнату, надо непременно постучаться. А взрослые не придерживаются этого правила, которое они сами же установили.

– Что ты тут делаешь, Дениза? Ведь я тебе запретила ложиться на пол в только что выглаженном платье... У меня сейчас полчаса свободных, потом я уеду; хочешь немного поиграть со мной? Можем сыграть в четыре руки, или поаккомпанируй мне... как хочешь.

Госпожа Эрпен, только что вышколенная доктором, поднялась к дочери с намерением завоевать ее.

– Н-нет, – проговорила Дениза недовольным тоном. – Я читаю интересную книгу. Неужели даже во время каникул...

– Хорошо, хорошо, – ответила госпожа Эрпен; она была удивлена и в душе глубоко разочарована. – Мне просто хотелось доставить тебе удовольствие. Но тебя трудно понять.

Она окинула внимательным взглядом комнату, поставила на место вазу, повторила: «Трудно понять» – и затворила за собою дверь. Минуту спустя до Денизы донеслось ее пение; она внимательно слушала и втайне была обворожена. Дениза узнала «Путевой столб» Шуберта – романс, которому особенно любила аккомпанировать, потому что партия фортепиано очень нравилась ей. Сила и полнота голоса матери покоряли ее. Она не испытывала такого чарующего впечатления, когда *видела*, как поет мать. Дениза была еще слишком молода, чтобы разобратся в этом впечатлении, а между тем оно было вполне правильно, ибо во время пения жеманные гримаски Жермены напоминали о том, что как женщина она во многом уступает певице. Госпожа Эрпен пела полчаса, потом рояль умолк. В растворенное окно издали доносился грохот ткацких станков. На улице прозвучал звонок велосипедиста. Раздался паровозный гудок. Дениза вышла в сад.

В течение всех каникул она была настроена по отношению к матери очень враждебно. Госпожа Эрпен снова повезла детей на нормандское побережье, но на этот раз в Рива-Белла, около Кана. Шарлотта и Сюзанна (особенно Сюзанна, ибо Шарлотта иногда завидовала Денизе) стали подражать старшей. Теперь и они проникли в домашние тайны, и в отсутствие мадемуазель, на пляже, три девочки без конца шептались о докторе, госпоже Эрпен и обеих бабушках. «Бабушка Эрпен очень сердится, зато другая на стороне Жермены». Между собой они называли мать по имени: Жермена. «Сегодня Жермена злющая-презлющая» или «Жермена словно сахар или мед: у нее в столе письмо, от которого несет аптекой».

– Не занимайтесь болтовней, играйте! Играйте! – говорила мадемуазель Пероля.

– А мы играем, мадемуазель, мы играем в разговор.

Мадемуазель Пероля в смущении отступала.

Вернувшись с моря, госпожа Эрпен сказала мужу, что так как Денизе теперь почти четырнадцать лет и ей нужно серьезно учиться, а в монастыре отказываются от нее, она хочет поместить ее в лицей Жанны д'Арк в Руане, с тем чтобы она жила у госпожи д'Оккенвиль.

– Отличная идея, – ответил отец, – но я хочу, чтобы по воскресеньям она приезжала в Пон-дель-Эр. С детьми надо поддерживать постоянное общение.

– Как ни старайся, никакого общения не получается, – сказала госпожа Эрпен. – Дети всегда несправедливы...

ХІІІ

Мадемуазель Кристиана Обер, преподавательница лицея Жанны д'Арк, с любопытством оглядела свой новый класс. Еще совсем юная, она сама удивлялась, что стоит на кафедре. Дениза видела за ее спиной, на стене, портрет Декарта и черную доску, на которой были начерчены окружность и тангенс. Как только мадемуазель Обер заговорила, ее голос обворожил девушек. Она сказала, что хочет познакомиться с ними и поэтому в виде первого задания просит их рассказать о себе.

– Назовите работу «Воспоминание детства» и можете или рассказать мне о том или ином действительном событии, которое вам особенно дорого, или, наоборот, сочинить какую-нибудь историю – как хотите... Странички четыре... Главное, избегайте искусственности... Работу сдайте мне завтра утром.

Затем она сказала, что, так как у девочек еще нет ни книг, ни приготовленных уроков, она посвятит занятие чтению отрывков из Паскаля¹⁶.

– *«Природа человеческая, – читала мадемуазель Обер, – вся – познание, вся – любовь; невзгоды наши и горести происходят оттого, что среда, в которой мы живем, не может утолить нашей жажды познания и нашей потребности любить».*

«Как это верно! – думала Дениза, не отрывая горящего взгляда от мадемуазель Обер. – Как верно! Ничто не может утолить моей жажды. Все пошло, отвратительно, а между тем я сознаю, что я вся – любовь...»

– *«Мне неизвестно ни кто ввел меня в мир, ни что такое мир, ни что такое я сам, – читала мадемуазель Обер. – Я в страшном неведении обо всем; я не знаю, что такое мое тело, мои чувства, моя душа и та часть меня, которая порождает эти мысли, которая размышляет обо всем сущем и о самой себе и не знает самое себя, как не знает и всего остального. Я вижу жуткие просторы вселенной, окружающие меня, и чувствую себя привязанным к крошечному клочку этого безмерного пространства, но я не постигаю ни почему я помещен именно в это, а не в другое место, ни почему то малое время, которое мне дано жить, совпало именно с этим, а не с другим моментом вечности, которая предшествовала мне и последует за мной. Со всех сторон я вижу одни лишь бесконечности, среди которых я не более как атом и тень, существующая лишь мимолетное, неповторимое мгновение. Все, что я знаю, – это что скоро мне предстоит умереть, но особенно непостижима мне именно смерть, которой мне не избежать...»*

Никогда еще не слышала Дениза таких возвышенных и горестных слов. Она была потрясена. Мадемуазель Обер начала объяснять прочитанное, она представила огромный шар, который бесконечно вращается во тьме и является всего только капелькой грязи. Она доказала, что современная наука сделала лишь еще более изумительными и более загадочными те две бесконечности, которые страшили Паскаля. Кристиана Обер жила одна неподалеку от лицея, в квартирке, единственным украшением которой, помимо книг, были маски Паскаля и Бетховена. Слушая мадемуазель Обер, Дениза посматривала на свою соседку, рыжеволосую бледную девушку, и спрашивала себя: зачем Бог поместил это красивое создание на шар, вращающийся во тьме? Потом, любуясь лицом мадемуазель Обер, вслушиваясь в ее безупречные фразы, в которых слова размещались столь непринужденно, она почувствовала горячее желание заслужить ее любовь.

После уроков Дениза вернулась к бабушке. Госпожа д'Оккенвиль жила в прелестном, но обветшавшем особняке на улице Дамьет между Сент-Уэн и Сен-Маклу. Судя по изяществу старинных домов, в XV–XVI веках это был богатый квартал, но со временем, как обычно слу-

¹⁶ Паскаль Блез (1623–1662) – французский философ и математик. Здесь цитируется отрывок из его «Мыслей» (III, 194).

чается в центре больших городов, он стал простонародным и бедным. Денизу он приводил в восторг: причудливые названия улиц, деревянные дома с высокими остроконечными кровлями, окна с маленькими квадратиками мутных неровных стекол – все это ей напоминало любезного ее сердцу Вальтера Скотта. Чтобы добраться до бабушкиного дома, ей приходилось идти по длинному сводчатому проходу. Калитка приводила в движение зубчатое колесо, увешанное колокольчиками. Затем входивший попадал в тесный дворик, который окружали стены особняка, богато украшенные барельефами.

Позади дома находился небольшой запущенный поэтический сад. Над фонтаном, заросшим диким ирисом, грустили ивы. За деревьями виднелись башни Сент-Уэн. Госпожа д'Оккенвиль жила в этом доме с одной-единственной прислугой, безобразной карлицей Луизой, которая находилась при ней уже сорок лет. У госпожи д'Оккенвиль не было состояния, и дочь ее благодаря щедрости мужа постоянно поддерживала ее. Поэтому старая дама воздерживалась от малейшей критики поступков своей дочери. Говорили, будто в свое время она была легкомысленной. Теперь она поощряла связь дочери, и та, отправляясь в Руан на свидание с любовником, всегда имела возможность сказать: «Мне надо навестить мамочку».

В глазах Денизы бабушка и Луиза представляли собою существ, которых трудно было причислить к человеческому роду. Она отвечала на их вопросы с благожелательной снисходительностью, как взрослые отвечают детям. Когда она первого октября вернулась из лица с сумкой под мышкой и услышала у калитки легкий перезвон колокольчиков, ей показалось, что это первые такты Гимна освобождения. Она взбежала по ступенькам крыльца, бросила сумку на диван и воскликнула:

– Добрый вечер, бабушка!

– Добрый вечер, дорогая, – ответила госпожа д'Оккенвиль. – Что ж, тебе, надеюсь, не слишком забили голову, и, надеюсь, у вас хоть нет педагогов-мужчин?

– Нет, бабушка, у нас учительница, которая кажется просто ангелом.

– Может быть, ты мне немного поиграешь? Сыграй свою Прелюдию.

В представлении госпожи д'Оккенвиль Шопен был автором одной-единственной прелюдии, а именно прелюдии о каплях дождя, и пьеса эта в ее устах стала «Денизиной», потому что ассоциировалась с внучкой. Она любила слушать эту прелюдию оттого, что узнавала ее, и очень гордилась этим достижением.

– Сегодня нет, бабушка. Мне надо готовить уроки.

Она поднялась в свою комнату. По дороге из лица домой, в саду Сольферино, где пожилые женщины в черном наблюдали за играми детишек в клетчатых фартучках, она думала о том, что надо с первого же раза дать понять этой похожей на ангела и уже горячо любимой учительнице, что представляет собою ее жизнь. «Воспоминание детства»... Она, не отрываясь, написала нижеследующий рассказ, который мадемуазель Обер, проверяя на другой день тетради, прочла с удивлением.

ВОСПОМИНАНИЕ ДЕТСТВА

Мне было десять лет. Мы жили в большом городе в Северной Европе, где мой отец был посланником. Я была хилой девочкой и часто покашливала. Большую часть времени я проводила в детской, где было тепло, как в парнике. Как сейчас, вижу наш сад, моих братьев, которые скакали верхом на черных пони, и маму замечательной красоты (*эпитет неопределенный*, написала мадемуазель Обер на полях), белокурую и хрупкую, которая отдыхала на террасе, увитой цветами... Но так длилось недолго. Маму нашли умирающей, залитой потоком алой крови (слово *алой* мадемуазель Обер зачеркнула),

и вскоре могилу ее закрыли цветы и оросили слезы. На чело моего отца легла складка, которая так и осталась у него навсегда. Прошли годы. Я сама тоже сильно хворала. Наконец отец представил меня мачехе; молодость и изящество этой маленькой женщины вернули мне немного жизнерадостности. Она заботилась обо мне и играла со мной, как с куклой. Словно сейчас вижу, как мы с ней сидим на полу и играем в *гости*. Потом ей наскучило это ребячество, а также отсутствие отца, которого постоянно задерживала работа в посольстве, и она стала искать утешения в американской колонии и, вероятно, нашла его. (*Да это целая биография!* – написала мадемуазель Обер.)

Когда отец обнаружил ее измену, его горе было так велико, что он во второй раз утратил вкус к жизни. Вечерами он запирался в своей комнате, и я его уже больше не видела. Кроме него, я в жизни ничем не дорожила. В его покровительстве заключался весь смысл моего существования. Борьба с житейскими невзгодами казалась мне возможной только под защитой его силы. (*Преувеличение!* – отметила мадемуазель Обер. – «Что за странная девочка», – подумала она.) Однажды, засыпая, я мысленно взяла с него обещание: «Папа, ты никогда не расстанешься со мной». Мне снился сон, мучительно сдавивший мне виски, но вдруг он оборвался. Я в ужасе открыла глаза. Стояла глухая ночь. Мне казалось, что рот мой полон крови – я чувствовала ее пресный вкус. (*Какое мрачное воображение!* – заметила мадемуазель Обер.) Завывал ветер. Я вскочила с постели, чтобы убедиться, что отец тут, и успокоиться. Я отворила дверь их комнаты... Кровать была пуста... Мачеха не пришла домой... Меня придавила страшная тяжесть, которую испытывают дети, когда их охватывает отчаяние, которого они сами не понимают. Где папа? Я направилась в его кабинет... Он находился там; он плакал. Сидя за письменным столом, он сжимал голову руками и тяжело вздыхал. Я видела его поникшее лицо, слезы на длинных ресницах, затуманившие его взор (*штамп*, написала мадемуазель Обер, но все же вздохнула), дрожащие губы, две скорбные морщинки в углах рта. В этот миг он поднял голову, и я увидела его светлые, обезумевшие глаза, с мольбой обратившиеся к портрету мамы... Рот его приоткрылся, и раздался стон, словно то стонал смертельно раненный зверь. (*Не особенно удачно*, заметила мадемуазель Обер.) И вдруг в его запрокинутом лице я узнала лицо брата, каким оно было однажды, когда он упал со своего пони. Лица были одинаковые. Отец был ребенок, трогательный ребенок, и в нем не оставалось и следа мужской воли. Куда делись его стойкость, его сила? У человека, которого я считала идеальным, оказался недостаток. (*Небольшой*, написала мадемуазель Обер.) Он предстал предо мной одновременно и величественным и жалким. Кто утешит его? Кто его защитит? Я поняла, что и он всего лишь атом перед лицом неведомых сил. (*Тут был бы уместен тон попроше*, заметила мадемуазель Обер.) В эту минуту мне хотелось бы броситься к обожаемому отцу, обнять его колени. Но меня охватило чувство благоговения, и я бесшумно выскользнула из кабинета. Кроватка снова приняла мое продрогшее тело. Я была подавлена темной силой, властвующей над людьми. Я знала теперь, что доверие, безмятежность и надежды недолговечны и что человеку суждено страдать, даже не зная цели этих страданий. Охваченная безграничным презрением к неодолимым силам, которые властвуют над людьми, я погрузилась в утешительный сон.

Мадемуазель Обер еще раз внимательно прочла все сочинение и надписала наверху: «Своеобразно. Излишняя восторженность. Язык очень живой, но порой напыщенный. Злоупо-

требляете эпитетами». Она колебалась, какой поставить балл, потом решила: шесть с половиной. И все же она подумала, что черноволосая девушка, сидящая в последнем ряду, – самая интересная ученица в новом классе.

Встретив во дворе директрису, мадемуазель Обер спросила:

– Вы знаете, сударыня, мою ученицу Денизу Эрпен?... Разве она лишилась матери?

– Почему? – удивилась директриса. – Откуда вы это взяли? Да нет. Я отлично знаю... Семья ее живет в Пон-дель-Эр. Мать сама привезла ее к нам, и девочка удивительно на нее похожа.

– Странно, – заметила мадемуазель Обер.

XIV

Хотя теперь Дениза и жила у бабушки, она была от нее очень далека. Она относилась к ней как к автомату, все реакции которого можно заранее предвидеть, и поэтому ей никогда и в голову не приходило поговорить со старушкой откровенно. Она знала, что от бабушки можно ожидать три рассказа – о том, как она выходила замуж: «Мой дорогой Адеом был нормандец, я происходила из Берри, и мы так никогда и не узнали бы друг о друге, если бы не монсеньор де Кабриер...», затем рассказ о том, как дорогой Адеом в 1871 году воевал с пруссаками, и, наконец, о том, как был продан замок Тюисиньоль – колыбель рода д'Оккенвилей. Дениза знала также, что, если кто-нибудь из старинных подруг бабушки приедет, чтобы провести с нею вечер, она непременно вызовет внучку и скажет: «Теперь сыграй нам *свою* Прелюдию». Дениза несколько раз пробовала угодить бабушке, сыграв какую-нибудь другую пьесу, но вскоре поняла, что всякая перемена огорчает и волнует старушку.

Отношения между Денизой и бабушкой установились сердечные, но поверхностные, зато Дениза испытала на себе за время пребывания в Руане два сильных, хоть и совершенно различных влияния. Во-первых, влияние мадемуазель Обер, которая научила ее писать совсем просто и переносить личные огорчения в план философских раздумий. Но Кристиана Обер, будучи верующей и, несомненно, янсенисткой, принимала как неизбежное разлад между устремлениями человека и его ничтожностью; Дениза же Эрпен была бунтовщицей; считая мир жестоким и мелочным, она хотела либо бежать из него, либо его изменить. Очень быстро она заняла в лицее господствующее положение, стала первой ученицей в классе и кумиром преподавателей.

Другое влияние, оказанное на Денизу, исходило от трех юношей, которые вместе с нею тем же поездом выезжали из Руана по субботам вечером и возвращались в понедельник утром. Из этих трех юношей один, Бертран Шмит, отправлялся в Эльбёф, двое других – Бернар Кенэ и Жак Пельто – в Пон-дель-Эр. Жак Пельто был сыном нотариуса, а сестра его Берта училась вместе с Денизой в монастыре. В 1912 году Жаку было пятнадцать лет, двум другим по семнадцати. Все трое были очень развиты и начитанны, они ввели Денизу в совершенно новый для нее мир.

Самым выдающимся в этом кружке считался Бертран Шмит, но Денизу более привлекал Жак Пельто. Ей нравилось его немного хрупкое сложение, тонкое лицо и прекрасный лоб, на который спадала широкая прядь каштановых волос. А быть может, и какая-то глухая, неосознанная обида на госпожу Пельто, которая была настроена к ней враждебно, внушала Денизе желание понравиться, больше чем кому-либо, именно ее сыну?

Бертран Шмит весь год руководил чтением Денизы. Он познакомил ее с Барресом, Жидом, затем с Лафоргом, Рембо. Потом под влиянием Руайе, своего «проффила» (профессора философии), рьяного стэндалиста, он дал ей прочесть «Красное и черное». Чудесная книга для юной строптивой девушки! Бертран не собирался принять после отца управление их заводом в Эльбёфе; ему хотелось продолжать учение в Париже, потом писать.

– Но что именно писать, Бертран?

– Не знаю еще. Может быть, романы... Когда я читаю Диккенса или Толстого, мне всегда хочется включить людей, окружающих меня – вас, Мориса, Бернара, родителей, – в книгу, которую я читаю... Впрочем, я так говорю, а сам думаю, что, начни я писать, получится нечто отвратительно-пошлое.

Бертран был мечтатель и изъяснялся несколько косноязычно. Жак, более яркий, более целеустремленный, критиковал янсенизм мадемуазель Обер. Однажды он очень порадовал Денизу, сказав:

– Вчера я встретил вашего отца и говорил с ним о вас... Он умный.

– Встретились с папой? – удивилась Дениза. – Что же он вам сказал?

– Да уж не помню... Впрочем, вот: мы говорили о Тэне, Ренане... Он очень начитан.

На другой год Бертран Шмит уехал в Париж, чтобы готовиться к сдаче лиценциатского экзамена в Сорбонне. Бернар Кенэ сдал второй экзамен на бакалавра и поступил в батальон пеших егерей. По субботам, в вечернем поезде, Дениза теперь бывала одна с Жаком Пельто. Они очень сблизились. Жак изо дня в день помогал ей в занятиях. Он был хорошим математиком, и то, что ей казалось в классе непонятным, после его объяснений становилось ясным.

Дорога эта стала для них столь привычной, что они уже не любовались ни прекрасной долиной Сены, ни трубами Эльбёфа, которые высились вокруг двух мостов, перекинутых через изгиб реки, ни лесом возле Лувье, обнаженные ветви которого покрылись снежной бахромой. Они уже не прислушивались к названиям остановок, к свистку начальников станций и рожку кондуктора. Сидя в купе, обитом потертым бежевым сукном, при мутном красноватом свете масляного фонаря они занимались математикой.

– Послушайте, Дениза, я просто не понимаю, что вам тут непонятно... Что вы *должны* сделать? Решить квадратное уравнение? А что вы *умеете* делать? Решать уравнения первой степени? Значит...

– Не знаю, Жак... Как только начинается математика, я становлюсь тупицей.

– Нет, вы подумайте... Надо преобразовать неизвестное вам в то, что вам известно... Ведь если бы этот трехчлен был сам по себе правильным квадратом, тогда вы могли бы разложить это уравнение второй степени на множители. Не так ли?

– Да... Но $ax^2 + bx + c$ – неправильный квадрат.

– Конечно, но разве в нем нельзя отыскать элементы правильного квадрата?

Рядом с ними двое мужчин, севшие в поезд в Кевийи, обсуждали президентские выборы.

– Что ни говори, – кричал один из них, – а республиканская дисциплина требует, чтобы Пуанкаре снял свою кандидатуру, раз другой получил больше голосов, чем он.

– Когда речь идет о двух республиканцах, никакой республиканской дисциплины нет, – возразил его спутник, чихая.

– Итак, – заключал Жак:

$$x = \frac{-b \pm \sqrt{b^2 - 4ac}}{2a}$$

Правильно? Поняли?

– Теперь поняла, Жак. Спасибо. Вы изумительны.

– Я не изумителен, но я обожаю вам объяснять. Я хотел бы вам объяснять всю жизнь.

– То есть как это, Жак?

– Простите, я сказал глупость, но вы отлично понимаете.

В минувшие каникулы, которые все они проводили на море, молодые люди стали относиться к ней как к взрослой. Она похудела, и черты лица ее заметно утончились. В Пон-дель-Эр на улице люди останавливались, разглядывая ее, и с удивлением спрашивали: «Это ваша дочь, мадам Эрпен? Ни за что бы не узнала! Какая прелесть... Теперь она – вылитый ваш портрет». Эти восторги радовали ее. Она решила не выходить замуж. Она слишком хорошо знала, что представляет собою брак. Ее детские горести развили в ней стремление к целомудрию. Однажды Жак, оказавшись с Денизой наедине в купе в то время, как поезд проходил туннель перед Пон-дель-Эр, склонился к ней, чтобы ее поцеловать. Она отстранила его так решительно, что он уже больше никогда не осмеливался на это. Теперь, едва только поезд входил в туннель, он начинал шумно складывать книги, чтобы побороть в себе искушение.

– Я никогда не выйду замуж, Жак... Но мне хотелось бы жить возле вас, работать с вами... Я верю в вашу будущность; я верю, что вы станете выдающимся деятелем.

– Вот уж нет! Выдающимся в чем?

– Не знаю... В науке. Сделаете большие открытия... Мне хотелось бы также, чтобы вы стали выдающимся политическим деятелем; вы так хорошо говорите... А насчет себя я вам определенно скажу, чего бы мне хотелось: мне хотелось бы стать вдохновительницей выдающегося человека, помогать ему в его героической жизни... Как ужасно быть женщиной! Это так несправедливо!

– Как чудесно было бы иметь вас возле себя!

– Послушайте, Жак. Я хочу, чтобы вы дали мне одно обещание... Не оставайтесь в Пон-дель-Эр. Не поддавайтесь рутине этого отвратительного сонного городишка. Поезжайте в Париж, трудитесь.

– Обещаю, но тут нет никакой заслуги. Я уже сказал об этом отцу.

– А что он ответил?

– Он сказал: «Окончи юридический факультет, а там посмотрим».

Поезд замедлял ход перед вокзальчиком Пон-дель-Эр. Пар, вырывавшийся из локомотива, стлался по перрону, и на затвердевшем снегу росло влажное черное пятно.

XV

В Руане Жак Пельто жил у своего кузена и пользовался полной свободой. Когда Дениза говорила госпоже д'Оккенвиль: «Бабушка, отпустите меня с Жаком Пельто» – старушка отвечала:

– Пельто... Пельто... Это не тот ли нотариус, который составлял брачный контракт твоей матери?

– Это его внук, бабушка, – разъясняла Дениза.

– Да что ты говоришь! Вот любопытно, – говорила госпожа д'Оккенвиль. – Твой дедушка очень гневался на этого нотариуса, он был брюзга и невоспитанный. Представь себе: когда он явился к нам по поручению Эрпенон, чтобы определить приданое невесты, и ознакомился с документами, он сказал дорогому Адеому: «Все очень просто, господин д'Оккенвиль: ноль плюс ноль дают ноль». А между тем я отдавала твоей маме половину моих драгоценностей, столовое серебро с нашим гербом, которое я получила от тети Селины...

Дениза не слушала.

Весной у Жака и Денизы вошло в привычку совершать после уроков небольшую прогулку. Они встречались в саду Сольферино, расположенном на полпути между их лицеями. В дождливую погоду они заходили в музей и вместе рассматривали картины Моне, рисунки Жерико; если погода бывала хорошая, они поднимались на Биорель или Мон-Сент-Эньян. Устроившись где-нибудь на откосе, под глинобитной стенкой, или прислонясь к стволу яблони в каком-нибудь саду, раскинувшимся на холмах, они любили смотреть на кружевные остроко- нечные руанские колокольни. Трем верхушкам собора соответствовали три шпица Сент-Уэн, а между этими двумя выделяющимися группами виднелась колокольня Сен-Маклу; хоть и не столь высокая, она отмечала еле заметной чертой подлинный центр пейзажа. Из фабричных труб валил дым и, клонясь от ветра, легкими беловатыми параллельными штрихами перерезал туман, поднимающийся с реки. Дениза приносила в своей ученической сумке книги, кото- рые ей хотелось дать прочесть другу, – «Дневник» Амиеля, стихи Тагора. Жак их брал, чтобы доставить ей удовольствие, но сам предпочитал Франса, Вольтера. Последнее время он осо- бенно увлекался Ницше, у которого, как ему казалось, он находил оправдание чувственной, независимой жизни, которая манила его. Словарь его изменился; теперь он говорил о морали сильных, называл надуманным все, чего не испытывал сам. От преподавателя философии, молодого человека по фамилии Руайе, смелость которого опьяняла учеников, Жак воспринял новую мораль – мораль, основанную на разуме. Он читал Денизе отрывки из его лекций: «Надо приучить себя действовать согласно разуму, то есть пренебрегая советами, обычаями и щепе- тильностью. Сильный человек делает то, что хочет, и только то, что хочет. Действуй всегда так, чтобы оставаться самому себе господином, невзирая на влияние, которое окружающий мир оказывает на твои чувства».

Дениза завидовала этой спокойной уверенности, но не могла усвоить ее. От времени, проведенного в монастыре, от проповедей аббата Гиймена, говорившего об аде, у нее осталось смутное, но неодолимое чувство страха перед потусторонними силами. Будучи твердой духом, она все же боялась грозы, потемок. Она не решалась признаться в этом Жаку, но гром казался ей небесным предостережением. Ей нравились ранние сочинения Метерлинка (приводившие тогда в восторг молодежь), потому что они говорили о вмешательстве в нашу жизнь невиди- мого и бесконечного.

– Напрасно, – говорил ей Жак, – вы слишком снисходительны к мистическому, оккульт- ному, что есть у Метерлинка.

– Я и сама понимаю... Но ничего не могу с собою поделать. Что ни говорите, Жак, страшно жить!

– Я не нахожу... Все очень просто. Человеку надо освободиться от чувства жалости, ревности – словом, от всех надуманных страстей – и предаться здоровому эгоизму. Тогда жизнь становится естественной... А вы никогда не даете себе воли... Вы всегда скованны, всегда трепещете.

Она растянулась на траве:

– Но я стараюсь дать себе волю... Когда я лежу вот так, прямо на земле, я думаю, как и вы, что все очень просто, я становлюсь зверьком... Подложите мне под голову мою сумку, пожалуйста!

– Поцелуйте меня, Дениза. Или позвольте мне поцеловать вас.

Он склонился к ней. Дениза зажмурилась. Она почувствовала на талии его руку, потом на губах горячее прикосновение его губ. Она с трудом сдержалась, чтобы не ускользнуть, поддавалась, не сопротивляясь, потом слегка оттолкнула его и что-то пробурчала, улыбаясь. Он стоял на коленях возле нее, в траве.

– Вы не сердитесь, дорогая? – спросил он.

– Нет, я очень довольна... Я ворчу на самое себя... Ведь этим я сказала себе: «Видишь, Дениза Эрпен, ты такая же, как и все...»

– Нет, вы не такая, как все; вы всех красивее и умнее.

– Это вам так кажется потому, что вы меня сейчас поцеловали, но я не то хотела сказать... Правда, я и в самом деле не такая, как все.

– Чем же?

Она вздохнула и стала следить за птицей, реявшей в небе. Жак опять обнял ее за талию, но она отвернулась, тогда он осторожно приподнял ее темную головку и заглянул ей в лицо. Тут он заметил, что глаза ее полны слез.

– Что с вами, Дениза? Я вас огорчил?

Она покачала головой:

– Я не могу вам сказать.

Потом она стремительно высвободилась из его объятий, села, порывшись в своей ученической сумке, гремя линейками и циркулями, и вынула листок бумаги и карандаш. Она написала несколько слов, держа листок на коленях, и передала ему. Он прочел:

«Я стыжусь своей матери. Не хочу быть на нее похожей».

Он посмотрел на нее в крайнем изумлении. В его семье царили мир и уныние, он никогда не думал о супружеских трагедиях. В его представлении госпожа Эрпен была красивой, несколько перезрелой женщиной, участницей музыкальных вечеров в клубе; он с удовольствием встречал ее на улицах Пон-дель-Эр. Он слышал, будто она изменяет мужу; ему это было безразлично. Он хотел заговорить. Дениза прикрыла ему рот рукой и протянула карандаш:

– Не говорите; напишите.

Он написал:

«Чего же вам стыдиться? Ваша мать и вы – существа совершенно самостоятельные. Кроме того, она не преступница».

Дениза взяла бумажку, вздохнула и протянула руку за карандашом.

«Вы не правы... Она почти преступница... Она разбила жизнь моего отца, мою и моих сестер... С самого детства она причиняет мне нестерпимые страдания».

Он читал, склонившись над ее плечом.

– Ваша жизнь еще только начинается, – сказал он.

Девушка добавила, все так же на листке:

«Она уже кончена».

Стоя перед ней на коленях, он снова ее обнял и прижал к себе в скорбном порыве; она опять что-то буркнула, потом улыбнулась. Она удивилась, поняв, что это не доставляет ей ника-

кого удовольствия, что она смотрит на него как бы со стороны и впервые чувствует свое над ним превосходство.

«Я ему нужна, – мелькнуло у нее. – А он мне – нет».

Всходила луна. Ночь обещала быть восхитительной. Дениза ощупью отыскала в траве карандаш и, уже в сумраке, написала крупными буквами:

«Я, кажется, полюблю вас».

Чтобы прочесть эти слова, ему пришлось встать и держать листок так, чтобы на него падал лунный свет.

После этого они стали вместе выходить почти каждый вечер. Он попробовал вести себя смелее, но Дениза была целомудренна, и он щадил ее. Теперь она рассказала ему о своем детстве; он и не представлял себе, что в реальной жизни могут существовать такие странные чувства. Он был испуган и заморожен.

XVI

Жак сдал второй экзамен на бакалавра в июле 1914 года; его отец требовал, чтобы он поступил на юридический факультет, в то время как Жаку хотелось заниматься медициной. Он сказал Денизе, что, так как изучение права не требует особой усидчивости, он будет заниматься сразу на двух факультетах. В последние дни июля, в Пон-дель-Эр, они виделись очень часто. Они считали себя женихом и невестой и перешли на «ты». Госпожу Эрпен эта дружба тревожила.

– Какие у тебя виды на этого молодого человека? Ты же знаешь, что Пельто ни за что не позволят ему на тебе жениться.

– А я и не собираюсь выходить замуж.

– Ты рассуждаешь как ребенок; все девушки выходят замуж.

Госпожа Эрпен попыталась вовлечь в эти разговоры мужа, но он не выносил споров.

– А почему это тебя беспокоит? – говорил он.

Она пожала плечами. Всю жизнь он отрицал наличие каких-либо серьезных вопросов, чтобы уклониться от их решения.

Числа с двадцать пятого июля в Пон-дель-Эр стали поговаривать о возможной войне. Поговаривали, сами в нее не веря. Однажды Антуан Кенэ, состоявший офицером запаса, вошел в контору, где господин Эрпен распечатывал синие пакеты, и показал только что купленную им пару походных сапог.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.